

ТАМБОВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ.

№ 3-й.

15-го Января 1905 года.

ТАМБОВЪ.

Типо-литографія Губернскаго Привлєнія.

ГОДЪ

LXVI

ТАМБОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

№ 3.

Выходятъ еже-
недѣльно по суббо-
тамъ. Подписка при-
нимается въ Редак-
ціи, при духовной
Семинаріи.

15 ЯНВАРЯ
1905 ГОДА.

Годовая цѣна съ
пересылкою и до-
ставкою 6 р. 25 к.
Подписка на время
менѣе года и про-
дажа отдѣльныхъ
номеровъ не допу-
скаются.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

У В А З Ъ

Святѣйшаго Правительствующаго Синода на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго.

Отъ 22 декабря 1904 года за № 13015.

О назначеніи пенсіи за службу по епархіальному вѣдомству.

По 300 руб. въ годъ: заштатнымъ священникамъ церквей селъ: Посьвкина, Борисоглѣбскаго уѣзда, Георгію Боган-

скому съ 14го августа 1904 г. изъ Борисоглѣбскаго казначейства, Бѣлови, Усманскаго уѣзда, Петру Смирничкову съ 21 іюля 1904 года изъ Усманскаго казначейства и Арженки, Тамбовскаго уѣзда, Василию Островскому съ 1 іюля 1904 г. изъ Тамбовскаго казначейства;

по 200 руб. въ годъ: заштатнымъ діаконамъ церквей сель: Спасскихъ Буть, Спасскаго уѣзда, Василию Кочетову съ 13 августа 1904 года изъ Спасскаго казначейства и Красивки, Моршанскаго уѣзда, Θεодору Кириллову съ 22 апрѣля 1904 года изъ Моршанскаго казначейства и

по 100 рублей въ годъ заштатному псаломщику церкви села Плосской Дубровы, Моршанскаго уѣзда, Стефану Кринову съ 24 апрѣля 1904 года изъ Моршанскаго казначейства.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Перемѣщены: священникъ с. Алгасова, Моршанскаго уѣзда, Іоаннъ Смирновъ на такое же мѣсто къ Троицкой церкви г. Липецка, 8-го января; діаконъ с. Перкина, Моршанскаго уѣзда, Алексѣй Добротворцевъ на такое же мѣсто къ церкви с. Никольскаго, Козловскаго уѣзда, 8 января; діаконъ с. Богдановки, Спасскаго уѣзда, Сергѣй Богдановъ на такое же мѣсто къ церкви с. Алехина, Тамбовскаго уѣзда, 10 января.

Псаломщикъ с. Ржаксы, Кирсановскаго уѣзда, Александръ Рождественскій уволенъ отъ должности псаломщика по опредѣленію Епархіальнаго Начальства, 20 декабря 1904 г.

Уволенъ, согласно прошенію, отъ должности псаломщикъ с. Митрополья, Тамбовскаго уѣзда, Николай Зотиковъ 8 января.

Назначены на должности: 1) священникъ Троицкой г. Липецка церкви Іоаннъ Смирновъ предсѣдателемъ Липецкаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта; 2) духовника по 2-му Шацкому округу—священникъ села Стара-

го Черішева Григорій Островскій; 3) церковныхъ старостъ къ церквамъ сель: Козловскаго уѣзда—Верхнихъ Пуповъ крестьянинъ Павелъ Донскихъ на 3 хъ-лѣтіе, Кирсановскаго уѣзда — Красивки потомственный гражданинъ Николай Крюченковъ на 3-хъ лѣтіе и Чернавки крестьянинъ Онуфрій Казаковъ на 2 трехлѣтіе и Елатомскаго уѣзда—Потапыева крестьянинъ Тимофей Іоночкинъ на 7 треслѣтіе.

Объявляется благодарность Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Андрею Евграфовичу Воронцову-Вильяминозу за пожертвованіе имъ на построеніе храма въ селѣ Юринѣ, Шацкаго уѣзда, 100 руб.

За смертью исключаются изъ списковъ: заштатный священникъ с. Пичкиряевского Майдана, Спасскаго уѣзда, Андрей Ивановскій; умеръ 15 декабря 1904 г.; заштатный псаломщикъ с. Александровскаго на Свалѣ, Тамбовскаго уѣзда, Михаилъ Быстрозоровъ; умеръ 21 декабря 1904 г.; священникъ с. Трескина, Кирсановскаго уѣзда, Семень Хоперскій; умеръ 15 декабря 1904 г.; схи-іеромонахъ Темниковскаго Санаксарскаго монастыря Григорій и монахиня Лебедянскаго Троекуровскаго Илларионовскаго монастыря Македонія.

СПИСОКЪ

свободнымъ священническимъ, діаконскимъ, псаломщическимъ и просфорническимъ мѣстамъ по Тамбовской епархіи.

Священническія мѣста:

1) При Тюремной церкви г. Усмани; свободно съ 28 ноября 1903 года; причта положено: священникъ и псаломщикъ; причтъ получаетъ отъ земства 200 руб. въ годъ и пользуется 0/0/0 съ капитала въ 960 руб.

2) При церкви Липецкаго духовнаго училища; свободно съ 23 октября; причта положено: одинъ священникъ.

3) При церкви с. Матчи, Темниковскаго уѣзда; свободно съ 13 декабря; причта по штату положено: священникъ, діаконовъ и псаломщикъ; душъ м. п. 783; земли 58 дес.

4) При церкви с. Чащина, Борисоглѣбскаго уѣзда; свободно съ 14 декабря; причта положено: два священника, діаконовъ и два псаломщика; душъ м. п. 1637; земли 64 дес.

5) При Соборной церкви города Липецка; свободно съ 17 декабря; причта положено: 1 протоіерей, 2 священника, діаконовъ и 3 псаломщика; душъ м. п. 2080; земли 33 дес., причтъ пользуется 0/0/0 съ капитала въ 5578 руб. 30 коп.

6) При церкви с. Питима, Борисоглѣбскаго уѣзда; свободно съ 17 декабря; причта положено: священникъ и псаломщикъ; д. м. п. 695; земли 33 дес.; дома для причта церковные; причтъ получаетъ пособіе отъ казны по 400 р. въ годъ.

7) При Рождество—Богородичной церкви с. Алгасова, Моршанскаго уѣзда; свободно съ 8 января; причта положено: три священника, діаконовъ и три псаломщика; душъ м. п. 2868; земли 194 дес.

8) При церкви вновь открытаго прихода въ дер. Красный Логъ, Борисоглѣбскаго уѣзда; свободно съ 10 января; причта положено: священникъ и псаломщикъ; душъ м. п. 562; земли 33 д.; дома для причта церковные.

Діаконскія мѣста:

1) При Тамбовскомъ Каедральномъ Соборѣ (мѣсто уподіакона); свободно съ 13 марта; причта положено: протоіерей, ключарь, два священника, протодіаконъ, два діакона, два уподіакона и два псаломщика; земли 29 десятинъ; причтъ получаетъ казенное жалованье, въ количествѣ 2401 руб. и пользуется 0/0/0 съ капитала въ 30172 руб. 55 коп.

2) При церкви с. Больше-Никольскаго, Тамбовскаго уѣзда; свободно съ 14 декабря; причта положено: священникъ, діаконъ и псаломщикъ; душъ муж. пола 859; земли 54 дес.

3) При церкви с. Богдановки, Спасскаго уѣзда; свободно съ 10 января; причта положено: священникъ діаконъ и псаломщикъ; душъ м. п. 846; земли 32 дес.; причтъ получаетъ пособіе отъ казны въ размѣрѣ 550 руб.

4) При церкви с. Перкина, Моршанскаго уѣзда; свободно съ 10 января; причта положено: священникъ, діаконъ и два псаломщика; душъ м. п. 1875; земли 39 дес.;

Псаломщическія мѣста:

1) При Соборной церкви г. Спасска; свободно съ 1 октября; причта положено: три священника, діаконъ и три псаломщика; душъ м. п. 3130; земли 75 дес.; причтъ пользуется съ капитала $\frac{0}{100}$ въ количествѣ 200 руб.

2) При церкви Тамбовскаго Серафимовскаго духовнаго училища; свободно съ 23 октября; причта положено: священникъ и псаломщикъ.

3) При церкви с. Зарубкина, Спасскаго уѣзда; свободно съ 15 декабря; причта положено: священникъ, діаконъ и псаломщикъ; душъ м. п. 1622; земли 42 дес.

4) При церкви с. Ахтырки, Тамбовскаго уѣзда; свободно съ 18 декабря; причта положено: священникъ и псаломщикъ; душъ м. п. 329; земли 35 дес.

5) При церкви с. Иловай-Рождественскаго, Козловскаго уѣзда; свободно съ 21 декабря; причта положено: священникъ, діаконъ и псаломщикъ; душъ м. п. 1419; зем. 33 дес.

6) При церкви с. Ржавца, Шацкаго уѣзда; свободно съ 19 декабря; причта положено: священникъ и псаломщикъ; душъ м. п. 860; земли 45 дес.

7) При церкви с. Пошатова, Темниковскаго уѣзда; свободно съ 28 декабря; причта положено: священникъ и пса-

ломщикъ; душъ м. п. 799; земли 44 десятины; причтъ получаетъ пособіе отъ казны въ размѣрѣ 400 руб. въ годъ.

8) При церкви с. Каменки, Моршанскаго уѣзда; свободно съ 30 декабря; причта положено: священникъ, діаконъ и два псаломщика; душъ м. п. 1416; земли 3 дес. усадебной и 66 пахатной; причтъ получаетъ пособіе отъ казны въ размѣрѣ 550 руб.

9) При церкви с. Митрополья, Тамбовскаго уѣзда; свободно съ 8 января; причта положено: священникъ, діаконъ и два псаломщика; душъ м. п. 1383; земли 66 д.; одинъ изъ псаломщиковъ получаетъ казенное пособіе въ размѣрѣ 98 р. въ годъ; въ этомъ приходѣ имѣются сектанты—молокане въ количествѣ 148 человекъ.

10) При церкви вновь открытаго прихода въ дер. Красный Логъ, Борисоглѣбскаго уѣзда; свободно съ 10 января; причта положено: священникъ и псаломщикъ; душъ м. п. 562; земли 33 д.; дома для причта церковные.

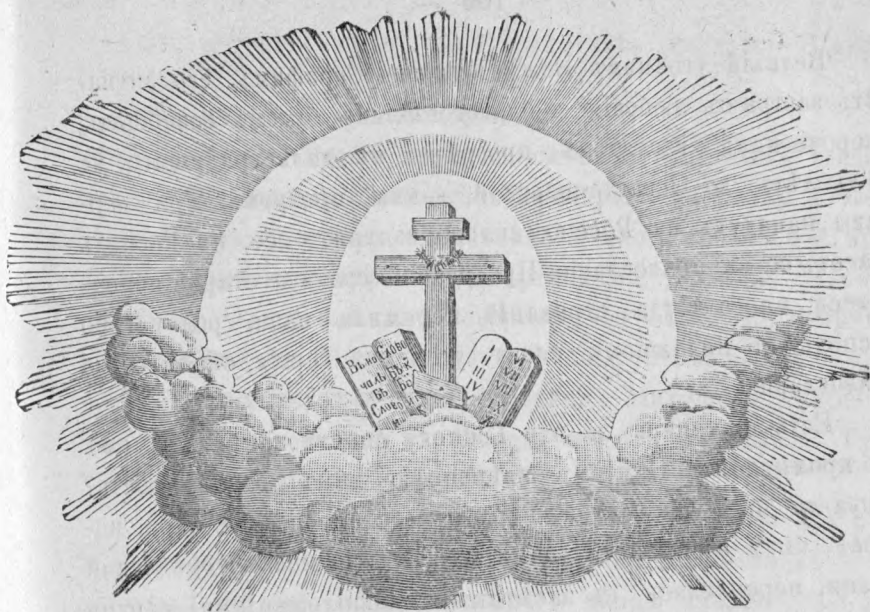
Просфорническія мѣста:

При церквахъ селъ: Соколова и Павловки, Кирсановскаго уѣзда; Протасова, Найденки, Кореана, Троицкой Дубравы, Ивановки, Чернавки, Богословки—Новикова, Алексѣвки и Митрополья, Тамбовскаго уѣзда; Пролома, Поминайки и Крутца, Моршанскаго уѣзда; Хрущева, Лебедянскаго уѣзда; Пошатова, Темниковскаго уѣзда; Христофоровки, Козловскаго уѣзда; Куликовъ, Шацкаго уѣзда и Сядемки, Спасскаго уѣзда.

Содержаніе. Отдѣлъ официальный. I. Указъ Святейшаго Правительствующаго Синода на имя Его Пресвященства, Пресвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго. II. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. III. Списокъ свободныхъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ.

Редакторъ, Секретарь Консист. Александръ Андріевскій.

Цензоръ, Протоіерей Петръ Успенскій.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Отблески старого года. ¹⁾

Съ невеселыми думами, съ сердцами, смущенными глубокою скорбью, стоимъ мы на рубежѣ минувшаго мрачнаго года и неизвѣстнаго грядущаго. Сбывается на насъ грозное пророческое слово: „Превращу праздники ваши въ жалость и вся пѣсни ваши въ плачь (Амос. 8, 10)“. Всѣмъ намъ живо памятно, какъ поразила насъ въ свѣтлые пасхальные дни вѣсть о гибели броненосца „Петропавловскъ“ съ доблестнымъ адмираломъ Макаровымъ; и вотъ теперь, въ преддверіе другого величайшаго христіанскаго праздника еще болѣе ужасная вѣсть...

По долгу пастырскому, во исполненіе слушанной нами заповѣди Господней, что сказать намъ, возлюбленные братія, въ наше общее утѣшеніе?

¹⁾ „Слово“, произнесенное за архіерейскимъ богослуженіемъ на литургіи въ Казанскомъ монастырѣ 1-го янв. 1905 г.

Великій угодникъ Божій старецъ Серафимъ, его же память завтра съ любовью и благоговѣніемъ будемъ совершать, пророческимъ взглядомъ прозрѣвая въ даль грядущаго, за 20-ть лѣтъ до Севастопольской войны, предрекъ: Три державы нападуть на Россію; сильно изнурять ее, но Господь спасеть ее за православіе. Предреченіе святаго старца исполнилось: много тогда страданій пережила наша родина, но Господь, по неложному слову угодника Божія, спасъ ее за православіе.

Есть-ли теперь за что Господу спасти насъ? Хранимъ мы промысломъ Божиимъ вѣренную намъ драгоцѣнность? Живали на Руси святой вѣра православная,—та вѣра, которая, бывъ воспринята нами на зарѣ нашей исторической жизни, переплелась съ завѣтными расположеніями сердца народа, сдѣлалась лучшимъ достояніемъ души его, вдохновляла его, на великіе подвиги, давала силы переносить вѣковыя тяжелья страданія и выходить изъ нихъ обновленнымъ, еще болѣе могучимъ и цѣльнымъ?—

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ воображеніи рисуется картина: на одной изъ равнинъ далекой Манчжуріи босой, въ разодранной китайской одеждѣ, съ крестомъ, материнскимъ благословеніемъ, на груди, съ непокрытой головой, со взоромъ молитвенно устремленнымъ къ небу, стоитъ на колѣнахъ русскій солдатъ, а противъ него отрядъ японцевъ съ наведенными дулами ружей. „Ты шпионъ, за твой поступокъ ты будешь разстрѣленъ—“ громко произнесъ японскій офицеръ. „Готовъ умереть за Вѣру, Царя и Отечество“.—На глазахъ суровыхъ японцевъ выступили слезы. Грянулъ ружейный залпъ, и кровь христіанская обагрила далекую, пока еще языческую, землю. Но мы уповаемъ, что эта кровь мученическая, какъ прежде, такъ и теперь будетъ сѣменемъ христіанства въ странѣ той. Кто же скажетъ, что въ душѣ этого воина мученика не обиталъ Христосъ. Имя этого безвѣстнаго

раньше, а теперь всему міру извѣстнаго солдата—Василій Рябовъ.

Но много-ли такихъ Рябовыхъ.

Не только Россія, но весь свѣтъ съ трепетнымъ удивленіемъ и невольнымъ благоговѣніемъ взиралъ на скалы и твердыни Портъ-Артурскія. Защитниковъ многострадальной крѣпости называютъ героями, спартанцами, орлами, львами, титанами. О подвигъ ихъ говорятъ, что онъ безпримѣрный во всемірной исторіи. А они, эти титаны, устами своего вождя, взывали къ молитвамъ Царя и Царицы Матушекъ, смиренно полагая всю свою силу въ благодатной помощи свыше... Тутъ ужъ десятки тысячъ Рябовыхъ.

Артуръ палъ... и мы скажемъ словами одного изъ русскихъ народныхъ писателей: не будь на то Господня воля, не отдали-бы его. Вѣчный покой и вѣдцы мученическіе дорогимъ братьямъ нашимъ, павшимъ въ неравномъ бою. Слава, честь и любовь народная героямъ, оставшимся въ живыхъ.

Теперь мысленный взоръ нашъ призованъ туда, гдѣ, какъ древніе христіане въ катакомбахъ, закопавшись въ землѣ, стоитъ полмилліонная русская рать, послушная единой волѣ,—она готова покорно и терпѣливо стоять безъ конца; а въ надлежащій моментъ, по мановенію той же воли, она безтрепетно ринется въ бой на муки и смерть. Чья же желѣзная воля сковала эти человѣческія массы, чья любовь соединила въ одау огромную военную семью эти сердца, чей разумъ прозорливый такъ плавно и направляетъ все возрастающія грозныя силы къ давно ясно сознаваемой и твердо намѣченной цѣли?

Имя этого человѣка—наша слава, наша радость и счастье. Какъ древне-русскій богатырь, сосредоточенно молчаливый, первый работникъ во всей вѣренной ему арміи, смиренный и въ своемъ смиреніи великій, православный русскій человѣкъ, любящій сынъ родины, вѣрнопопавшій слуга Царя... Потому съ такою любовью и вѣрой устремлены на него сол-

датскіе взоры, что они въ немъ чувствуютъ родную русскую православную душу. Но, вѣдь, въ Манчжурской арміи не одни православные, даже не одни христіане.—Такъ велика и обаятельна красота души истинно православнаго человѣка, что она невольно привлекаетъ къ себѣ и души иновѣрцевъ. Сейчасъ мы этого доказывать не станемъ. Кто имѣетъ очи, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать, и чье сердце не совсѣмъ еще окаменѣло, должны знать это. Главнокомандующій нашихъ дѣйствующихъ силъ, кромѣ своего гевія, по душѣ—самъ Рябовъ и въ его распоряженіи ихъ сотни тысячъ, а эти сотни тысячъ вышли изъ среды народа нашего, они плоть отъ плоти и кость отъ кости его... Значить живъ еще Господь Богъ въ сердце народа нашего.

А что сказать въ эту годину тяжелыхъ испытаній о тѣхъ, на кого волею Божіею возложенъ высокій, святой долгъ возжигать и сохранять пламя вѣры въ сердцахъ людей—о пастыряхъ церкви? Тутъ мысль уносится въ самое сердце страны враговъ нашихъ по оружію, въ далекую Японию: тамъ теперь апостоль Япони Пресвященныи Николай, съ юныхъ лѣтъ всю жизнь и силы посвятившій на просвѣщеніе свѣтомъ вѣры Христовой язычниковъ японцевъ и среди языческаго царства создавшій, состоящую изъ десятковъ тысячъ вѣрующихъ, церковь, которая по чистотѣ нравовъ и складу религіозной жизни уподобляется христіанскимъ общинамъ первыхъ вѣковъ. Въ началѣ войны, получавши предложеніе отъ японскаго правительства возвратиться на родину, чтобы избѣжать опасности со стороны возбужденнаго войной языческаго населенія, Пресвященныи Николай, какъ истинный добрый пастырь, не пожелалъ оставить вѣранныхъ ему Богомъ словесныхъ овецъ, а предпочелъ, если суждено, положить за нихъ душу свою. А о.о. Стефаны Щербаковскіе, съ вѣстомъ въ рукахъ бросавшіеся въ опасные моменты подъ градомъ пуль въ пыль битвы. А иноки—священники на корабляхъ среди разорванныхъ тѣлъ и потоковъ крови, подъ сви-

стомъ снарядовъ напутствовавшіе умиравшихъ. А огненная рѣчь полкового священника (теперь уже убитого) выступающимъ въ походъ войскамъ, такъ потрясая сердца слушателей, что заставила ихъ забывши дисциплину, крикнуть: постараемся, батюшка.

Благодареніе Богу и нашъ сонмъ пастырскій, такъ часто теперь и многими презираемый и хулимый, какъ въ вѣба минувшіе, такъ и теперь выдвинулъ изъ среды своей лицъ, о которыхъ есть что рассказать дѣтямъ нашимъ, чтобы расположить и вдохновить ихъ идти по крестному жизненному пути отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ.

Но вотъ въ душѣ встаетъ еще прекрасный поучительный образъ: „.. головныя боли, которыми я страдала дома, теперь прошли; разсѣялось и не возникаетъ мрачное настроеніе, которое я такъ часто испытывала въ послѣднее время.. Простите, что мало пишу; совсѣмъ некогда; вечеромъ въ свободную минуту часто засыпаю отъ утомленія съ перомъ въ рукахъ... Но вы сильно преувеличиваете мой подвигъ,—вѣдь я дѣлаю сродное мнѣ дѣло, которое доставляетъ мнѣ радость и удовлетвореніе. Помолитесь, чтобы Господь подкрѣпилъ трудиться до конца“. Эти золотыя строки пишетъ съ войны бывшая институтка, а теперь сестра милосердія, дѣвушка съ тонкимъ развитымъ умомъ, получившая прекрасное христіанское настроеніе въ своей родной дворянской семьѣ. И такихъ самоотверженныхъ труженицъ, принадлежащихъ не только къ высшему кругу, но и къ другимъ сословіямъ русскаго общества, на войнѣ сотни. Это явленіе, вмѣстѣ съ другими—ясный показатель того, что живетъ духъ благочестія предковъ и понинѣ еще въ русскомъ народѣ, начиная съ высшихъ сословій и кончая простолюдиномъ.

Всѣхъ отраднхъ явленій не перечестъ и всѣ они, какъ свѣтлыя благодатныя лучи, направляются къ красному солнышку отечества нашего—Благочестивѣйшему, Самодержавнѣйшему, Великому Государю Нашему, въ лицѣ котораго мы

имѣемъ счастье видѣть истиннаго носителя завѣтовъ православной старины нашей и о которомъ небеснымъ молитвенникомъ и заступникомъ нашимъ угодникомъ Серафимомъ предречено, „что онъ будетъ въ душѣ христіанинъ“.

Мы остановились вниманіемъ только на свѣтлыхъ явленіяхъ, но мы не забыли того, чѣмъ измучены души истинно православныхъ русскихъ людей, — тѣхъ грѣховъ и беззаконій, которые умножились среди насъ, какъ песокъ на берегу моря, которыми сквернится земля наша, во всемъ мірѣ позорится великое имя православныхъ христіанъ, которое мы носимъ; о нихъ мы можемъ сказать отъ лица всего народа нашего словами царя и пророка Давида, великаго праведника, всегда сознававшего себя и великимъ грѣшникомъ: „Беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну“. Но искра Божія, свѣтлый огонекъ вѣры, теплящійся въ сокровенныхъ тайникахъ сердца народнаго, котораго не можетъ погасить облегающая насъ тьма грѣховная, служить святымъ несомнѣннымъ залогомъ, что, наказавъ, Господь Милосердый вновь, какъ и въ вѣка минувшіе, спасетъ и помилуетъ насъ. Будемъ вѣрить, надѣяться и о томъ молиться, чтобы потоки льющейся крови христіанской смыли позорное пятно беззаконій съ лица родины нашей, чтобы эта ужасная война просвѣтила наши ослѣпшія очи, показала-бы насъ самимъ себѣ въ истинномъ свѣтѣ, чтобы мы сознали и сердцемъ почувствовали, что святая вѣра православная есть душа души нашей, ни съ чѣмъ несравнимая и ничѣмъ незамѣнимая красота и несокрушимая мощь наша; и тогда переживаемое нами бѣдствіе будетъ съ одной стороны заслуженной карой праведнаго гнѣва небеснаго, но вмѣстѣ и чудо неизреченной милости Божіей, не попускающей намъ въ конецъ развратиться. Ей, буди, буди!..

Священникъ *Николай Димитревскій*.

Маленькое измѣненіе вопроса.

(Окончаніе ¹).

...И это „напутствіе“, которое дѣлаетъ Меньшиковъ въ своей полной страстнаго воодушевленія и силы и въ то же время какой—то затаенной скорби статьѣ ²), зоветъ именно на тотъ подвигъ, на тотъ путь, который одинъ можетъ привести къ желаемой цѣли—найти „Золотое руно“. Вѣдь если, дѣйствительно, хочется возвратить здоровую жизнь нашему духовному организму и выйти изъ этого какъ бы параличнаго состоянія, состоянія чисто страдательнаго и пассивнаго, живущаго только подачками и надеждами на нихъ въ каждомъ новомъ году, то и нужно ввести въ этотъ пораженный организмъ тѣ живыя начала, которыя, подобно сказочной „живой водѣ“, способны влить въ него энергію и силу. Но не въ „одушевленіи“ только эта живая вода, не въ „мужествѣ“ и не въ томъ, что мы называемъ „сердцемъ“, а глубже. Есть въ нашей и въ народной душѣ еще тайники, есть еще глубокой родни въ „живой воды“—это совѣсть. Вотъ ее-то пробудить, ее то извлечь изъ тайниковъ души и значить sprysnutъ „живой водой“ нашу душу. Вѣдь нужно, чтобы наше одушевленіе было святое, нужно, чтобы мы внесли во всякое дѣло сердце чистое, нужно чтобы и мужество наше было честное и справедливое. А освѣтить—то эти начала чистоты и святости, честности и справедливости, и пробудить ихъ и сдѣлать живыми началами можетъ только совѣсть. Она-то вотъ и обличить насъ можетъ быть въ томъ, что мы сами повинны въ своемъ безсиліи, покажетъ, что поруганіе святыни души—совѣсти,—которое мы допускаемъ, не проходитъ безнаказанно и влечетъ за собою полное духовное безсиліе и разложеніе. И какъ въ личной жизни каждаго тотчасъ же

^{*)} См. № 1 „Т. Е. В.“

²⁾ „Новое Время“ № 10347. Фельетонъ.

проявляются болѣзненные симптомы какого-то калѣченія и оскуденія, лишь только сдвигаются съ мѣста и колеблются завѣтныя святыни и устои жизни, освященные авторитетомъ религіозно-нравственной совѣсти, то же самое происходитъ неминуемо и въ общей жизни души народней, когда ея совѣсть начинаетъ гложуть и терять свой авторитетъ. И можетъ быть для насъ теперь нѣтъ болѣе труднаго подвига и въ тоже время болѣе великаго и святаго дѣла, съ котораго бы мы должны начать проявлять свою собственную волю и изрекать свое собственное слово, какъ вызвать къ жизни свою совѣсть и поставить себя предъ лицомъ ея. Пусть говорятъ объ обновленіи жизни и о переустройствѣ ея чисто внѣшнемъ, оставляя какъ бы въ сторонѣ и забывая тѣ сокровища, которыя не вернетъ никакая внѣшняя перестройка. Намъ нужно вернуть святыню нашей души, ея внутреннюю вдохновляющую силу, и объединившись духовной мощью возрожденной совѣсти своей и народнои души, явить самобытное творчество жизни. Не оттого ли вѣдь эта измѣна устоевъ народнои жизни, это общее шатаніе, что мы въ личной-то жизни допустили измѣну нашимъ святымъ идеаламъ, преклонились предъ чуждымъ нашему нравственному чувству и религіозной совѣсти богоотступнымъ началамъ народовъ по духу „міра сего“. Мы осмѣивали все то святое, чѣмъ жила наша народная душа, упорно отрекались отъ проникавшей ея красоты христіанства, святости идеаловъ и благообразія быта и теперь несемъ достойное возмездіе этого. И по мѣрѣ того какъ замирала эта красота христіанства и святость идеаловъ религіозной совѣсти въ нашей личной жизни, ея ледяной холодъ и парализующая жизнь „мертвая вода“ разливалась все дальше и дальше по народному организму. Вѣдь каждый изъ насъ, являясь творцомъ своей личной жизни своей душой входитъ и въ общую душу народную, или лучше: носить часть ея въ себѣ и своимъ дыханіемъ входитъ въ общее дыханіе этой великой души. И важно отсюда, чтобы эти дыха-

нія каждой души составили нераздѣльный общій, глубокій и здоровый вздохъ широкой русской груди и всѣ сердца бились въ унисонъ съ ея сердцемъ. И если святое призваніе каждаго безразлично-прежде всего пробудить въ себѣ совѣсть и вдохнуть въ свою душу дыханіе жизни, и этимъ содѣйствовать общему оживленію жизни, то что же сказать о тѣхъ, кому, кромѣ творчества и созиданія личной жизни, дано еще право и власть созиданія души другихъ, руководства и пробужденія совѣсти ближнихъ. Вѣдь это страшная сила, сама по себѣ тайная и непонятная, но великая и творческая, когда есть доступъ и власть къ чужой душѣ, когда можно эту душу вести за собой, можно вызвать въ ней наружу заглохшее добро. Сознаютъ-ли тѣ, кто носить эту власть у себя, свою силу и пользуются-ли этимъ въ ихъ рукахъ ключемъ къ народной душѣ и къ тайнымъ ея родникамъ? Но тутъ мало созанія только своей силы, а нужно живое сознаніе и того, что вина замиранія жизни ляжетъ тяжелымъ бременемъ на совѣсть того, кто призванъ быть „солю земли и свѣточемъ міра“. Создается-ли это и обсуждается-ли путь къ тому, чтобы быть вѣрнымъ своему званію? Отвѣта на эти вопросы, судя по газетнымъ даннымъ, желаетъ сильно слышать свѣтское общество и есть данныя, указывающія на отвѣтъ въ положительной формѣ.

Р.

Не пора-ли?!

„Многое худое пишутъ и говорятъ про насъ (духовныхъ) несправедливо, но съ этимъ еще можно и должно мириться. Вѣдь и мы люди, и не безъ грѣха“.

Можетъ быть по нашему нерадѣнію къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ и распространяется на Руси невѣріе, безбожіе и многоразличные пороки и недостатки. Поэтому мы готовы терпѣть всякія нападки на насъ лично со стороны

общества и печати. Но мы не можемъ и не должны терпѣть и молчать, когда публично осмѣиваютъ нашу св. православную вѣру и Церковь.“¹⁾

Пора уже заговорить, время уже взяться за дѣло! Не должны, тысячу разъ не должны мы, призванные стоять на стражѣ Христова дѣла, молчать тогда, когда все общество, то самое общество, которое уже многократно, справедливо и несправедливо издѣвалось и надругалось надъ нами, когда это общество, охваченное неудержимой жаждой различныхъ реформъ, разбивается на отдѣльныя группы, собирается на банкеты, говорить и дѣйствовать.

А оно дѣйствуетъ, безспорно, дружно и горячо, хотя мы и рѣдко видимъ эту, б. ч., тайную работу и почти не знаемъ и не отдаемъ себѣ отчета о той идеѣ, которая воодушевляетъ и ободряетъ его. Не видимъ и не знаемъ потому, что для насъ легче увидѣть готовые плоды этой дѣятельности, чѣмъ проникнуть въ процессъ прозябанія и составъ зерна.

Оторванные отъ центровъ, гдѣ идетъ эта нервная и раздраженная работа, мы только тогда узнаемъ про всякаго рода движенія, когда, напримѣръ, наши крестьяне идутъ толпой и грабятъ имѣніе помѣщиковъ²⁾ или когда, напримѣръ, въ переднемъ углу, рядомъ съ образами видимъ тщательно приколотый литографированный революціонный листокъ;³⁾ тогда только мы спрашиваемъ въ недоумѣніи: — что это такое? откуда?

А это ужасное „откуда“ громадной волной давно уже разливается по всѣмъ деревушкамъ и селамъ и теперь болѣе, чѣмъ когда — либо; благодаря почти исключительно ему наша деревянская молодежь понесла послѣднюю трудовую копейку въ городъ на наряды, защеголяла въ шелковыхъ платочкахъ

¹⁾ Письмо священника. Газета „Свѣтъ“ № 6-ой 1905 г.

²⁾ Случай въ Харьковской и Полтавской губ.

³⁾ Во многихъ селахъ Пензенской епархіи и ма. др.

и кофточкахъ, въ суконныхъ пиджакахъ и лакированныхъ сапогахъ и поразительно быстро стала терять свою невинность и чистоту.

Откуда все это?

Да все оттуда, гдѣ собираются различные банкеты, гдѣ радѣтели (не всѣ, конечно, но большинство) развитія дѣтской души кричатъ, чтобъ выгнали изъ школъ долгогривыхъ поповъ, которые-де [различными суевѣрїями сковываютъ умственные силы ребенка, убиваютъ его способности и т. д. ⁴⁾ Все это тамъ же, откуда рассылаются народнымъ учителямъ извѣстныя программы воспитательнаго воздѣйствїя, плодомъ котораго является тотъ нарастающій теперь типъ — „дай, а если не дашь, умри.“

Хотѣлось бы про свѣтъ сказать, да тьма густа, не хотѣлось бы слезы лить, да плачется.

А тамъ, откуда сразу, почти одновременно стали бастовать рабочіе въ Баку, Харьковѣ и Петербургѣ, тамъ воодушевленіе и громадное воодушевленіе.

Влюбленность въ собственный эгоизмъ и сытость подъ видомъ утѣшителя подошло къ страдальческой слезѣ и не одно смиренное горе подъ его рѣчами стало безпощадной ненавистью. Часть, и къ несчастью большая часть нашего образованнаго общества, утилизировала и весьма удачно утилизировала народное горе, а мы, мы — пастыри, воспользовались-ли этимъ горемъ? Воспользовались-ли той воспримчивостью души, которую создали слезы разлуки и потери родныхъ? Внесли-ли мы въ скорбное сердце свѣтъ Христовъ, свѣтъ самоукоренія и нравственнаго обновленія?

Быть можетъ вносили всегда и теперь тоже, да въ нашу разрозненную и оторванную отъ какого-либо объединяющаго центра пастырскую среду пришло это горячее и сплоченное „откуда“, и мы оказались не въ силахъ съ нимъ бороться.

⁴⁾ Одинъ рефератъ въ одномъ городѣ и развѣ одинъ?

Почему же какой-нибудь юноша учитель, пропитавшійся по неразумной, нетерпѣливой горячности всевозможными революціонными идеями, оказался сильнѣе умудреннаго жизненнымъ опытомъ пастыря?

Безусловно потому, что первый, прійдя въ далеко заброшенное отъ центра село или деревушку, слышалъ еще тѣ горячія, жгучія рѣчи, которыми воодушевляли его на трудное дѣло; онъ чувствовалъ свое единство съ тою средой, которая и здѣсь, въ этой глуши, снабдила его зажигательными брошюрами и опредѣленными и широкими въ извѣстномъ родѣ инструкціями, и все это влило въ него столько силы, что онъ готовъ за свою идею идти куда угодно.

А у пастыря нѣтъ въ душѣ ни слѣда, ни отзвука отъ горячихъ ободряющихъ рѣчей, нѣтъ потому, что ихъ никогда не слышалъ онъ. Его ни разу въ жизни не согрѣло могучее умиленіе отъ общенія со своими собратіями; то великое, непобѣдимое воодушевленіе, которое ободряло бы и вливало въ него новыя силы, невѣдомо его сердцу.

Одинокимъ онъ вышелъ на свое святое дѣло и какъ ни былъ онъ силенъ духомъ, какъ бы ни пламенѣлъ онъ любовью къ Богу и ближнимъ, скоро подъ напоромъ противной силы усталъ и сдѣлалъ въ жизни несравненно менѣе того, что сдѣлалъ бы онъ, если бы хоть разъ, хоть на минутку могъ услышать слово ободренія и сочувствія, хоть немного могъ подѣлиться и своими радостями и горестями.

О!.. онъ тогда услышалъ бы не только совѣты и ободренія, главное, онъ почувствовалъ бы тогда, почувствовалъ бы реально, всемъ своимъ существомъ, а не по идеѣ только, что онъ не одинокъ, что есть и другіе борцы, которые несутъ одинаковый съ нимъ крестъ, которымъ знакомы тѣ же радости и тѣ же скорби.

Теперь почти всѣ, отдѣльные представители той или иной отрасли общественнаго труда, собираются на съѣзды.

Свѣтская печать, сочувствующая хоть сколько нибудь дѣлу церкви, не разъ уже призывала духовенство собрать соборъ для обсужденія *духовныхъ нуждъ и запросовъ пасомыхъ* ⁵⁾.

Правила св. апостоловъ, принимаемая церковью, какъ заповѣди Христа, прямо говорятъ, чтобы пастыри церкви хоть разъ въ году собирались и совмѣстно обсуждали не матеріальныя только нужды своего сословія, а, главнымъ образомъ, — религіозныя потребности и болѣзни своихъ пасомыхъ

И неужели мы теперь не удвоимъ своихъ молитвъ къ Господу, чтобъ Онъ помогъ намъ всѣми лучшими силами нашей души способствовать созванію или отдѣльныхъ пастырскихъ собраній, или даже цѣлыхъ помѣстныхъ соборовъ!?

Только на нихъ и возможно знакомство съ враждебными церкви теченіями, только на нихъ и могутъ быть выработаны идеальныя, согласныя съ духомъ Евангелія, мѣры борьбы и, главнымъ образомъ, только здѣсь и возможенъ тотъ духовный подъемъ, котораго почти нѣтъ у насъ и безъ котораго немислима никакая плодотворная работа и тѣмъ болѣе работа пастырская.

Сдѣлать это не такъ ужъ будетъ трудно. Пусть при выборѣ депутатовъ на первый же сѣздъ каждое благочиніе уполномочитъ своего депутата совмѣстно съ представителями отъ другихъ благочиній подать петицію мѣстному Преосвященному съ просьбой разрѣшить сначала помѣстныя пастырскія собранія, а потомъ и цѣлый помѣстный соборъ.

Пастырскія собранія готовятъ и разработаютъ матеріалы для собора, гдѣ они будутъ снова пересмотрѣны и гдѣ имъ дадутъ то или иное практическое приложеніе къ жизни.

Конечно, мы не въ правѣ и далеки отъ мысли чертить какую бы то ни было программу для сѣздовъ, опредѣлять ихъ задачи и цѣли, одно только понуждаетъ насъ сказать и наша совѣсть, и современная жизнь, что надо, скорѣе надо

⁵⁾ Журналь Новый Путь, газеты: С.-Петербургскія и Московскія Вѣдомости.

объединиться и сплотиться намъ, чтобъ дружно и смѣло идти за правду и истину Христову.

Такъ какъ все противоцерковное движеніе идетъ изъ городовъ, то здѣсь то прежде всего и должны скорѣе, теперь же открыться пастырскія собранія, которыя кромѣ моральнаго значенія сыграютъ еще одну громадную роль, такъ какъ дадутъ важную теоретическую программу дѣятельности для каждаго пастыря въ отдѣльности.

Здѣсь излишне говорить про то, что еще до открытія пастырскихъ собраній надо не покладая рукъ проповѣдывать, завести въбогослужебныя бесѣды съ общенароднымъ пѣніемъ, открыть религиозно-нравственныя чтенія публицистическаго характера для интеллигенціи ⁶⁾ и пр., скажемъ только про то, что эти и чтенія, и бесѣды, и проповѣди сблизятъ пастыря съ пасомыми, разогрѣютъ святой огонекъ въ его душѣ и помогутъ ему дѣйствовать и жить, а не только ахать и охать надъ жизнью.

Въ одномъ городѣ, гдѣ пришлось намъ довольно долго жить, на одной изъ самыхъ многочисленныхъ улицъ есть маленькая часовенка. Надъ ея входомъ громадными бѣлыми буквами написаны замѣчательныя слова — „Аще и сіи умолчатъ, каменіе возоіетъ“ (Лук. 19, 40). Великія и грозныя слова! Ярко выдѣлялись они на темномъ фасадѣ часовенки своей свѣтлой бѣлизной, невольно обращая вниманіе прохожаго, и всегда, когда приходилось намъ проходить здѣсь и, читая ихъ, задумываться, какой то голосъ въ душѣ, какъ бы дополняя ихъ, говорилъ, говорилъ настойчиво, пророчески: — „Но горе тѣмъ, кои умолчали!“

П. С. Г.

⁶⁾ Такія чтенія, не говоря уже про столицы, ведутся въ Харьковѣ, Казани, Саратовѣ, Тамбовѣ, Оренбургѣ и мн. др.

Золотая весна.

(Разсказъ изъ быта духовенства).

(Продолженіе)

„Матужка, подыте ко мнѣ“, торжественно и тайственно позвалъ матужку, только что вернувшійся изъ церкви Архипычъ.

„Какой! . Смотри-ко, Миша, Архипычъ ужъ секретничать со мной началъ“, весело размѣялась матужка, очевидно заинтересованная таинственнымъ видомъ Архипыча.

Она быстро встала изъ-за чайнаго стола и вошла въ кухню, куда ее позвалъ Архипычъ. Тамъ стояли двѣ крестьянки, тѣ самыя, которыя плѣвились красотой и благочестіемъ молоденькой матужки. Одна въ рукахъ держала двухъ куръ, у другой сильно безпокоился красный пѣтухъ и громадная породистая курица.

Матужка, при видѣ двухъ незнакомыхъ женщинъ съ оригинальной ношей въ рукахъ, остановилась въ недоумѣніи и вопросительно поглядывала на крестьянокъ.

„Голубушка матужка, мы проздравить тебя пришли съ праздникомъ и новосельемъ, а вотъ тебѣ подарочекъ на обузаведеніе“.

И съ этими словами они низко поклонились совершенно растерявшейся матужкѣ и стали протягивать къ ней куръ.

Смѣлая и энергичная матужка теперь стояла въ глубокомъ смущеніи и, не предполагая, что куръ ей дарятъ, совершенно не знала, что дѣлать.

„Сейчасъ. Подождите немного“—и она побѣжала къ о. Михаилу.

„Миша, тамъ пѣтухъ съ курицей и еще двѣ курицы!“

„Что такое, Женя? Я ничего не понимаю.“

„Ну, безтолковый!.. Тамъ принесли пѣтуха и три курицы...“

продаютъ что-ли, или еще что, не пойму. Ну, да пойдемъ вмѣстѣ, посмотришь!“

При видѣ входящаго о. Михаила крестьянки вторично повлонились и объяснили зачѣмъ они пришли.—Матушка вопросительно поглядывала то на лицо мужа, которое стало еще ласковѣе и добрѣй, то на лица крестьянокъ, которыя, очевидно, любовались и добрыми глазами батюшки и, главнымъ образомъ, ея раскрасѣвшимся отъ волненія личикомъ.

„Что же ты, Женя, стоишь? Благодарю вотъ этихъ добрыхъ женщинъ. Онѣ въ подарокъ принесли тебѣ этихъ куръ.“

„За что же?“ вѣжливо спросила она.

„Конечно ужъ не за что. Но дѣлать, видно, нечего, придется взять. Спасибо вамъ, милые, сердечное спасибо. Дай вамъ Богъ здоровья и мира душевнаго“.

„Ты, Женя, позаботься о нашихъ новыхъ жильцахъ, а я пойду къ гостямъ.“

Такъ скоро прихожане села А. откликнулись на нѣжную любовь къ нимъ новаго батюшки. Внѣшнихъ обнаруженій этой любви они почти совсѣмъ не видѣли, но они почувствовали ее и въ его проникновенной службѣ, и въ его простой, но сердечной проповѣди, и во всемъ его внѣшнемъ обликѣ.

За вечерней о. Михаилъ, какъ и обѣщаль, читалъ акафистъ Николаю Угоднику и рассказывалъ про его житіе.

Народу въ церкви было мало. Пришло нѣсколько стариковъ и немного больше старухъ. Въ душѣ о. Михаила, когда онъ увидѣлъ почти пустую церковь, закипѣло сильное раздраженіе, заговорило уязвленное себялюбіе—голосъ современнаго культурнаго дѣятеля.

Современный дѣятель хочетъ, чтобы сразу, по одному его слову, всѣ наперерывъ кинулись исполнять, его, б. м., и гениальный планъ или цѣнную и многополезную работу. Когда же онъ видитъ со стороны людей не страстное воодушевленіе, а безразличное равнодушіе или ровную хладнокровность, то начинаетъ раздражаться и въ душѣ своей, если не можетъ на

дѣлѣ, готовъ предать самой жестокой пыткѣ и истязаніямъ этихъ съ его точки зрѣнія глупцовъ. Это настроеніе:—необыкновенная вѣра въ непреложность и непогрѣшимость своихъ взглядовъ при необычайной самовлюбленности, въ самомъ себѣ заключающее задатки ненависти ко всякому другому человѣку противнаго образа мыслей—это обычное настроеніе современныхъ нехристіанскихъ культурныхъ дѣятелей, или квази-христіанскихъ радѣтелей общественнаго блага.

Если подобное настроеніе появляется у пастыря—эта жажда скороспѣлыхъ успѣховъ и упадокъ силъ, отчаяніе и раздраженіе, когда ихъ нѣтъ, то онъ—уже не дѣлитель человеческой совѣсти, а „прелая инудѣ.“

О. Досифей, съ которымъ съ памятнаго вечера о. Михаилъ сильно подружился и съ которымъ и теперь онъ поддерживалъ самое тѣсное общеніе, часто предостерегалъ его отъ этого искушенія.

„Знаете, голубчикъ“, говорилъ онъ, „когда, если Богу угодно, будете пастыремъ, то никогда заранѣе не чертите для себя программы дѣятельности. Придете на приходъ, прежде всего создайте нравственную связь съ своей паствой: тщательно служите, сильнѣе молитесь за нее и неуставно проповѣдуйте. А потомъ, повѣрьте, сами обстоятельства покажутъ, что вамъ надо дѣлать, какую реформу ввести. И въ этихъ реформахъ будьте, какъ можно, осторожнѣе“.

„Но больше всего бойтесь того, чтобы дѣло пастырства не свести къ стремленію улучшить только матеріальный бытъ вашихъ прихожанъ. Это и не первое и не главное, а второстепенное и даже послѣднее“.

„Запомните и получше внѣдрите въ себя и то, что главная и непобѣдимая сила всякаго христіанскаго дѣятеля и пастыря особенно есть вѣра въ правду, вѣра въ людей. Если вы выйдете на служеніе съ предвзятымъ недоверіемъ къ людямъ, съ холоднымъ скептицизмомъ къ ихъ жаднѣ добра и совѣстливости, то вы въ самомъ лучшемъ смыслѣ ничего добраго

не сдѣлаете, а скорѣе явитесь тѣмъ пламенемъ, которое разъединяетъ, а не сковываетъ, это—пламень самовлюбленности, раздраженія, а потомъ и ненависти“.

„Слѣдите внимательнѣе за вашимъ внутреннимъ настроеніемъ, и если замѣтите, что нервомъ вашего, б. м., даже идеальнаго по замыслу предпріятія является не сострадательная любовь къ ближнему и смиреніе въ сердцѣ, а что-либо другое, то не продолжайте того дѣла; бросьте его и вообще ничего не предпринимайте въ раздраженіи или гордомъ упованіи на собственные силы“.

„А, главное, больше вѣры, вѣры въ людей. Въ душѣ они не такъ ужъ злы, а въ нашемъ простомъ народѣ святыхъ валежей даже гораздо болѣе, чѣмъ мы думаемъ. Да и вообще вѣдь злое-то въ человѣкѣ—неестественное, наносное, и оно какъ дымъ разсѣется передъ жаждой святой жизни, если всегда вы будете напоминать о ней человѣку“.

„Когда вы заговорите про эту самую святость, васъ будутъ долго не понимать. Потомъ поймутъ да плохо будутъ воплощать въ жизни, а вы вѣрите...“

„Послѣ первыхъ успѣховъ,—а ихъ Господь непременно даруетъ сердцу, въ смиреніи ринувшемуся къ Нему,—люди какъ бы отступаютъ отъ васъ, самые близкіе соблазняются о васъ, а вы все вѣрите и вѣрите...“

„Будутъ смѣяться надъ вашею вѣрою, будутъ нагло издѣваться надъ вашею любовью, будутъ клеветать на васъ, будутъ гнать, а вы все-таки не теряйте вѣры“.

„Вѣрите мнѣ, мученичествомъ вѣры вы возродите кланущихъ въ невѣдѣніи васъ, и если при жизни васъ не поймутъ, то по смерти оцѣнятъ, и обновленіе человѣческаго сердца будетъ лучшимъ памятникомъ вашимъ кровавымъ подвигамъ“.

„Если же замѣтите внутри себя раздраженіе, то это—вѣрный показатель того, что ваша вѣра въ святость людей колеблется, и не хватаетъ необходимаго нерва дѣятельности—смиренія“.

„Итакъ бдительнѣе слѣдите за вашими побужденіями къ дѣятельности и боритесь, боритесь всѣми силами души съ раздраженіемъ“.

Въ душѣ о. Михаила было не совсѣмъ спокойно. Недоброе чувство маленькаго разочарованія, какъ тяжелый камень давило его душу, но это была только минута. Онъ скоро увидѣлъ, что раздраженъ, и сталъ съ великимъ понужденіемъ молиться. Раздраженіе понемногу улеглось. Но до конца акаѳиста его не покидало чувство неудовлетворенности и недовольства собой за малодушіе. И съ этимъ тягостнымъ, но спасительнымъ для души самоукореніемъ онъ сталъ рассказывать про жизнь св. Николая Чудотворца. Рассказывая онъ все больше и больше воодушевлялся, и скоро какая то умротворенность тихо заполонила его душу.

Онъ плавно и просто, отъ души развертывалъ передъ слушателями одну свѣтлую страницу изъ жизни великаго Святителя за другой и постепенно забывалъ, что онъ говоритъ, а кто то другой его слушаетъ; ему казалось, что это „онъ“ и „другое“—одно, и отъ этого именно сознавія его рѣчь сдѣлалась простой и сердечной.

Въ концѣ бѣсѣды о. Михаилъ ласково и полузастънчиво попросилъ своихъ малочисленныхъ слушателей напомнить отсутствующимъ, что они своимъ непосѣщеніемъ храма Божія обижаютъ его, а, главное, прогнѣвляють Господа.

„Скажите имъ, что Самъ Господь черезъ мое недостоинство зоветъ ихъ въ храмъ Своей святой. И если мы будемъ почаще здѣсь собираться для совмѣстной молитвы, то тѣмъ тѣснѣе будемъ прилѣпляться къ Богу, а отъ этого, какъ я сказалъ вамъ утромъ, въ нашей душѣ сильнѣе будетъ возрастать свѣтлая радость“.

„Передайте отсутствующимъ и особенно молодежи--пусть ходятъ въ храмъ, а то погаснетъ въ сердцѣ святой небесный огонекъ—наша совѣсть, а если она умолкнетъ, то охъ, какъ темно и холодно станетъ въ душѣ!!“

III.

„Видно, батюшка, ужъ судьба наша таковская. Все ворочай и ворочай, трудись какъ волъ на чужихъ людей. И Богъ съ ними, коли-бы люди то были хороши, а то сколькихъ изъ нашего брата бѣдняка совсѣмъ по міру пустили!.. Вѣдь ничѣмъ не побрезгуютъ: лошаденку съ коровенкой за полдѣны отдашь имъ, нужда заставитъ; мало этого, послѣднюю шубенку у хозяйки приходится отнимать; а для чего спрашивается? А чтобы заложить за гроши, да имъ вина поставить. Не поставишь, поѣдомъ съѣдятъ; не погнулъ разъ спины, надѣвай мошну да ступай къ добрымъ людямъ за подавнѣемъ... Э-эхъ, горе наше горемычное!..“

„Скоро опять навалать въ избу. „Ну-ко, скажутъ, Иванъ, пошевели карманомъ, сбѣгай-ко въ винополю да поставь намъ четверть“!.. и побѣжишь, бѣгомъ побѣжишь, все заложить, а купишь, а не то въ десятскіе выберутъ... А при нашей бѣдности, да еще десятскимъ быть... одинъ раззоръ!“

„Да вѣдь десятскаго сходъ выбираетъ?!“ перебилъ говорившаго о. Михайлъ.

„Э-эхъ, батюшка родной! Да вы придите какъ-нибудь на досугъ на нашъ сходъ; сами увидите, какъ тамъ правду—матку въ винѣ толятъ“.

Разговоръ происходилъ въ одной изъ бѣдныхъ крестьянскихъ лачужекъ, которыя сталъ обходить о. Михайлъ вскорѣ по своемъ прїѣздѣ.

Сначала крестьяне какъ то его дичились, нѣкоторые даже встрѣчали его прямо недружелюбно; но потомъ стали привыкать къ его посѣщеніямъ, а многіе такъ ждали и съ нетерпѣніемъ.

Ходилъ же о. Михайлъ для того, чтобы ближе, лицомъ къ лицу увидѣть жизнь своего прихода, чтобы не со словъ, а самому лично узнать и бѣдность, и довольство, радость и горе. Конечно, послѣдняго онъ видѣлъ несравненно больше, и это, на первыхъ шагахъ его пастырской дѣятельности, было

для него спасительнымъ якоремъ и отъ равнодушной косности и самозамынутости, и отъ чрезмѣрнаго и всегда вреднаго самоуслажденія своими яко-бы успѣхами.

А у него этихъ успѣховъ было достаточно. — Несмотря на его молодость, приходъ его встрѣтилъ довольно радушно и тепло. Праздничныя вечерни, послѣ первой стали посѣщаться всѣми, незанятыми какими-либо срочными, неотложными работами. — Иногда усталый о. Михаилъ пробовалъ замѣнять свои рассказы про жизнь того или иного святого и поученія на религиозно-нравственныя темы чтеніемъ готовыхъ житій Дамітріевской Минеи и готовыхъ проповѣдей, но эта замѣна ему положительно не удалась.

„Батюшка“, услышалъ онъ при первой попыткѣ облегчить себѣ работу, „батюшка“, раздалось среди чтенія, „да ты ужь лучше намъ рассказывай, а то по писанкому то мы плохо смѣкаемъ, а какъ ты самъ говорить начнешь, все намъ понятно“.

Обо многомъ говорило это простодушное заявленіе. — Прежде всего эта открытая искренность говорила про то, что прихожане стали уже считать о. Михаила членомъ своей семьи, съ другой стороны эта робкая просьба являлась яркимъ показателемъ того, что народъ жаждетъ живого слова, и если разъ услышалъ рѣчь не выдуманную для него, а направленную къ нему отъ сердца, то непреодолимо просить ее и тоскуетъ безъ нея.

На первыхъ шагахъ своей проповѣднической дѣятельности о. Михаилъ не зналъ, что ему говорить народу и особенно, что предлагать слушателямъ за вечерними бесѣдами. Въ этомъ ему много помогъ его другъ, окончившій семинарію двумя годами ранѣе его, студентъ Духовной Академіи.

Когда онъ пріѣзжалъ на каникулы, то на товарищескихъ вечеринкахъ долго и восторженно говорилъ про общественную дѣятельность академистовъ.

„Я только теперь, говорил онъ, понялъ немного и народную душу, и, пожалуй, религиозную жизнь и понял, именно, благодаря нашей дѣятельности. И знаете, братцы, сколько великихъ и глубоко воспитательныхъ моментовъ бывало за проповѣдями и бесѣдами! Это великая и единственная въ своемъ родѣ школа самопознанія и усвоенія истинъ христіанства!.. У меня есть одна аудиторія, гдѣ я по праздникамъ веду религиозно-нравственныя чтенія—ночлежка. Я всегда приходилъ туда заранѣе и наблюдалъ, когда ночлежники брали билеты. Сколько типовъ и весьма поучительныхъ!

„Но я сначала совершенно не зналъ, какъ и чѣмъ мнѣ вліять на душу этой голытьбы. Началъ присматриваться и скоро прежде всего вотъ что замѣтилъ:—въ этомъ домѣ плача и горя душа какъ то окрыляется,—я не хвалюся, а передаю истинный фактъ; при видѣ этой бѣдноты какъ, то чище становилось сердце, и въ эту минуту этотъ сѣренькій, весь пропахнувшій отъ пота и грязи мужичокъ становился безконечно дорогъ душѣ. Но главное, про что и хотѣлъ я вамъ сказать, я на своей двухъ--годичной проповѣднической практикѣ убѣдился, что мужичка и вообще слушателя проповѣдника очищаетъ и умиротворяютъ не слова, какъ бы хороши они не были, а, именно, душа проповѣдника“.

„Народъ не обманешь красивыми фразами, полными словъ любви. Ему надо эту самую любовь, ему нужно сердце проповѣдника, а не медоточныя уста. И страшный отвѣтъ дадутъ тѣ, которые презирали эту святую чуткость народную (интелигенція сюда почти не входитъ) и святую его жажду подвиговъ, которые не хотѣли глянуть подъ сѣрую свитку крестьянина и не учиться къ нему шли—его искренности, простотѣ и смиренію, а учить!!...“

„Потомъ вездѣ, гдѣ бы мнѣ не приходилось вести бесѣды или проповѣдывать“, продолжалъ онъ, „я всеми силами старался воспитать въ себѣ любовь къ слушателямъ и твердо увѣренъ, что только въ этомъ случаѣ и возможенъ нравствен-

ный ростъ какъ проповѣдника, такъ и слушателя—одно неотдѣлимо отъ другого.—Полюби его, и твое слово будетъ только развѣртывать и открывать ему путь для приложенія того святого чувства, которое незримо и непосредственно рождается въ душѣ человѣка отъ такого же чувства въ другомъ человѣкѣ“.

Вскорѣ по вступленіи о. Михаила на свой приходъ, его другъ прислалъ ему письмо, гдѣ предлагалъ нѣкоторые отвѣты на недоумѣнія молодого батюшки.

„Помогай Богъ, дорогой о. Михаилъ“, писалъ онъ, „ты спрашиваешь меня, откуда брать матеріалъ для проповѣдей. Главный матеріалъ, конечно, евангельскія и апостольскія чтенія, а лучшей подготовкой къ проповѣди, по моему мнѣнію, служатъ чтеніе мнѣйныхъ и праздничныхъ канонѣвъ и стихиръ, по нимъ можно составлять даже и цѣлыя проповѣди но, главное—они страшно поднимаютъ и воодушевляють духъ своей святой поэзіей, а такъ же силою и глубиною религіознаго чувства. Но еще болѣе высокое приготовленіе къ проповѣди— молитва: она матеріалъ, и огонь, и все для проповѣдника.“

„Не забудь и того еще, что сила и дѣйственность твоей проповѣди, кромѣ перечисленнаго, зависятъ и отъ знакомства съ жизнью паствы; безъ него и вообще безъ знакомства съ жизнью проповѣдь будетъ дышать тѣю холодною и сухой схоластикой, какою звучать большинство проповѣдей нашихъ батюшекъ и даже городскихъ“.

„Я, знаешь, въ прошломъ году на Рождественскихъ канунахъ былъ въ нашемъ городѣ. Разъ пошелъ къ вечернѣ въ монастырь, гдѣ, какъ знаешь, читають акаѣисты и потомъ проповѣдуютъ, и слушалъ проповѣдь одного молодого священника. Вышелъ онъ такой чистенькій, бѣленькій, разложилъ свою тетрадочку, взялъ въ руку свѣчку и сталъ читать“.

„Боже, что это была за проповѣдь?! Одни фразы, голыя, безсодержательныя фразы; ни одной живой мысли, ни одной капли свѣжаго чувства! Отъ проповѣди пахло чадомъ лампы,

сухостью сердца и совершеннымъ — не то что незнаніемъ, а, пожалуй, нежеланіемъ знать жизни! А, вѣдь, его слушали живые люди, жаждующіе услышать слово отъ сердца, услышать слово о жизни, пришедшіе разъяснить себѣ непонятное, разрѣшить мучительное сомнѣніе. А на встрѣчу этой жаждѣ сыпались щедрою рукою ученія фразы о какомъ то человѣческомъ геніи, который, видишь-ли, построилъ и телеграфы и телефоны, и т. д.; онѣ (эти фразы) пересыпались научными терминами, мало понятными и развитому слушателю, не говорю про простеца, вродѣ какъ: „міробытіе“, „сфера вѣчныхъ явленій“ и т. п. И чего, чего здѣсь не было!“

„Но, Боже, какъ суха, какъ мертва была эта проповѣдь! А народъ, слушавшій этого проповѣдника, стоялъ въ оцѣпенѣніи; я не лгу, я самъ прямо оцѣпенѣлъ, и одинъ старикъ іеромонахъ, думается мнѣ, весьма картинно выразилъ всеобщее впечатлѣніе отъ проповѣди. — Долго стоялъ онъ, внимательно слушая проповѣдника и, очевидно, ничего не понимая, потомъ отвелъ отъ него свой взглядъ, растерянно посмотрѣлъ по сторонамъ и почесалъ у себя за влобукомъ.“

„Когда кончилось это словоизверженіе, и народъ сталъ расходиться, то одинъ весьма приличный господинъ не могъ сдержать своего гнѣва и прямо въ храмѣ сталъ рѣзко критиковать и возмущаться проповѣдью, — и дѣйствительно трудно было не возмутиться“.

„Да сохранить тебя Господь, дорогой мой, отъ участи этого проповѣдника, печальной для него и еще болѣе пагубной для дѣла церкви“.

„Ну, а относительно твоихъ вечернихъ бесѣдъ — по моему, лучше всего рассказывать народу житія святыхъ. Нашъ простой народъ воспитался на нихъ, и они для него то же, что и Евангеліе, и если ты начнешь ему говорить что-либо изъ слова Божія, не иллюстрируя примѣрами святыхъ, то твоя рѣчь будетъ и мало доступна его пониманію, и почти ничего не скажетъ его сердцу“.

О. Михаилъ воспользовался совѣтомъ своего друга и обратилъ особенное вниманіе на знакомство съ внутренней и домашней жизнью своего прихода. Еще до прїѣзда на приходъ онъ накупилъ массу брошюръ религіозно-правственнаго содержанія, а также скупилъ за нѣсколько годовъ такъ понятныя и любимыя простымъ народомъ Троицкіе Листки. Обходя избы своихъ прихожанъ и разузнавая ихъ жизнь, онъ въ каждомъ дворѣ оставлялъ или книжонку, или нѣсколько листовъ и результаты этой просвѣтительной дѣятельности были самыя свѣтлыя.

На этихъ то обходахъ о. Михаилъ узналъ и про ту партію міроѣдовъ, съ которой вскорѣ вступилъ въ упорную борьбу.

Отъ Ивана, гдѣ застаеъ его нашъ рассказъ, о. Михаилъ узналъ, что въ этотъ день назначенъ сходъ, гдѣ будутъ выбирать четырехъ десятскихъ.

С. К. А.

(Окончаніе будетъ.)

Доктрина Нитцше *).

(Краткое изложеніе основныхъ воззрѣній фило-софа по его послѣднимъ сочиненіямъ).

Первое чтеніе (6-го дек. 1904 г.)

М. Г.г.!

Кому изъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ русскихъ читателей не извѣстно имя Фридриха Нитцше. Нитцше, — идеи котораго бурнымъ вихремъ уже пронеслись надъ запад-

*) Съ благословенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго, въ залѣ Духовной Семинаріи 14 ноября, въ присутствіи Владыки состоялось открытіе публичныхъ еженедѣльных воскресныхъ чтеній. Темы чтеній были заранѣе избраны лекторами — преподавателями Семинаріи и носятъ серьезный характеръ, какъ разчитанныя на запросы интеллигентной публики по вопросамъ религіозно-философскимъ и литературно-общественнымъ. До Святковъ было предложено всего 5 чтеній, привлекавшихъ всегда массу публики, видимо интересовавшейся вопросами, избранными въ качествѣ темъ для этихъ чтеній.

ной Европой, утратили свой первый жаръ и понемногу становятся предметомъ обсужденія безпристрастной критики и холоднаго историзма,—Нитцше, звѣзда котораго, такимъ образомъ, уже меркнетъ на родинѣ, за послѣдніе годы сдѣлался нашимъ моднымъ философомъ. Если не слишкомъ многіе его серьезно усвоили, то громадное большинство старается схватить, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя мысли новаго учителя и, такимъ образомъ, не отстать отъ прочихъ.

А новый мыслитель по счастливой случайности такъ, удобенъ именно для легкаго усвоенія.. Философія Нитцше — вѣра безъ доказательствъ: влечетъ и покоряетъ она не своею систематичностью, а смѣлостью отрицанія, силой разрушенія, остротой ироніи, блескомъ афоризмовъ, величіемъ своихъ пророчествъ.

Ея библія—символическая поэма съ заманчивымъ заглавіемъ изъ таинственнаго востока: „Такъ говоритъ Заратустра“ (основатель персидской религіи).

Плоды несравненнаго вдохновенія и чрезвычайно восторженнаго напряженія (по словамъ самаго писателя)—она представляетъ сводъ не такъ прочно связанныхъ острыхъ, — мѣстами ѣдкихъ сужденій. Являясь затруднительною для пониманія въ цѣломъ, поэма бьетъ въ глаза отдѣльными мыс-

Первое чтеніе (14 ноября) было предложено Ректоромъ Семинаріи, Архимандритомъ Θεодоромъ, на тему: „Современная моральная безприципность въ приложеніи къ вопросу о характерѣ христіанской жизни.“

Второе чтеніе (21 ноября) было предложено преподавателемъ Семинаріи В. А. Щегловымъ на тему: „Художественное изображеніе храма и молитвенныхъ настроеній въ произведеніяхъ русскихъ писателей: Гончарова, Тургенева, Достоевскаго, Л. Н. Толстаго и пр.“

Третье чтеніе (28 ноября) предложено было преподавателемъ Семинаріи В. П. Гагаринымъ на тему: „Разводъ въ прошломъ и настоящемъ.“

4 и 5 чтенія (6 и 12 дек.) были предложены преподавателемъ Семинаріи М. С. Малиновскимъ на тему: „Доктрина Нитцше.“ На первомъ чтеніи (6 дек.) была изложена доктрина этого философа, а на второмъ (12 дек.) сдѣланъ ей критическій разборъ.

Послѣднія два чтенія вызвали особенный интересъ въ публикѣ, и по заявленному многими изъ публики желанію мы и печатаемъ эти чтенія въ „Еп. Вѣдомостяхъ.“

Нужно сказать, что оживленію чтеній много содѣйствовалъ хоръ семинарскихъ пѣвчихъ своимъ прекраснымъ пѣніемъ и умѣлымъ подборомъ пьесъ, что своевременно было отмѣчено и въ мѣстной газетѣ. Ред.

лями; эти послѣднія, ударяя въ тонъ современному настроенію общества (въ запросамъ котораго былъ весьма чувствителенъ философъ), — легко подхватываются и, — благодаря данной имъ афористической формѣ, — быстро усвоятся. Срывая красивые плоды съ новаго дерева, большинство, конечно, и не знаетъ, каково это дерево, какими соками оно питается, на чемъ и прочно-ли стоитъ.

Задачей настоящаго вратваго чтенія и будетъ познакомить благосклонныхъ слушателей съ основными положеніями новаго ученія...

Въ слѣдующемъ чтеніи будетъ данъ и посильный разборъ этихъ положеній.

Афористическая философія Нитцше, по выраженію одного обозрѣвателя ¹⁾, подобна сооруженію, котораго отдѣльныя части соединены были въ одно цѣлое только въ умѣ строителя... Страстная, впечатлительная натура, Нитцше не былъ (и не могъ быть) постояненъ: онъ отдавался чему-либо весь, сполна, но не надолго.. Вся жизнь его есть смена самыхъ разнообразныхъ и разнородныхъ настроеній... Сегодня онъ разбиваетъ то, что создалъ и чему молился вчера. Нитцше переменчивъ какъ вѣтеръ; противорѣчія составляютъ часть его души... При всемъ этомъ философъ еще прямо не желаетъ слѣдить за ходомъ своихъ мыслей: въ разумѣ и законахъ его онъ видитъ лишь грамматическій предразсудокъ, логическая разработка идей ему кажется не существенной...

Конечно, послѣ связаннаго не будетъ страннымъ, что у Нитцше-философа нѣтъ логически стройнаго міровоззрѣнія.

Подобно развалинамъ великаго духа, въ которомъ не достаетъ душевнаго равновѣсія, предъ нами лежатъ разрозненные обломки его произведеній.

Сложить эти обломки въ цѣлое, — иначе, привести Нитцше въ систему не легко.

¹⁾ Проф. Рила.

Лучше-бы разсматривать идеи и мысли философа въ связи съ переживаемыми имъ настроеніями... Но задача краткаго чтенія, къ сожалѣнію, не позволяетъ выполнить такой обширной и сложной работы.

Является необходимость систематизировать Нитцше.

Къ счастью, — самъ-же философъ нѣсколько облегчаетъ намъ преодолѣть трудности этого дѣла: именно, онъ самъ училъ что истинная философія есть даръ управлять жизнію, должна давать переоцѣнку всѣхъ цѣнностей. Конечно, таковы задачи и его философіи. А если такъ, то, — значитъ, — всякая истинная философія, по существу дѣла, есть ученіе — или скажемъ по научному, — доктрина.

И философія Нитцше есть доктрина, а потому и излагать ее удобно, какъ и всякую другую доктрину.

Такъ какъ крупнѣйшіе вопросы всякаго ученія, всякой доктрины — есть вопросы о смыслѣ всего бытія, о человѣкѣ, его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, то думается, поставивъ ихъ, создадимъ надежную почву для систематизаціи, — разстелемъ, — выражаясь образно, — ковву, на которую можемъ переносить замысловатые узоры новаго ученія. Для наилучшаго-же изображенія будемъ заимствовать краски у самаго философа (т. е. выразать мысли его-же словами).

Конечно, въ изложеніи мы будемъ держаться послѣднихъ воззрѣній философа, въ частности тѣхъ воззрѣній, когда Нитцше, — послѣ рѣзкаго переворота, потрясшаго весь его организъмъ, сталъ тяготѣть къ матеріализму.

Начнемъ изложеніе. Основной вопросъ о происхожденіи міра и человѣка Нитцше затрогиваетъ мало и отсылаетъ для его рѣшенія къ философамъ — натуралистамъ и, въ частности, къ Дарвину (хотя послѣдняго считаетъ не слишкомъ значительнымъ авторитетомъ въ наукѣ)... Онъ принимаетъ за несомнѣнное все, что создано въ данной области самими смѣлыми на выводы представителями естествознанія, — а лучшими (наиболѣе солидными) изъ нихъ или совсѣмъ не раздѣляется,

или что и допускается, то—какъ вѣроятность. Такъ—вмѣстѣ съ ними—философъ отрицаетъ какое—бы то ни было твореніе міра. Міръ произошелъ самъ собою—изъ вѣчной матеріи. Сама собою явилась жизнь на землѣ,—и все стало развиваться по общимъ законамъ природы, законамъ—необходимости. Изъ растеній образовались животныя, изъ животныхъ—человѣкъ. „Вы прошли путь отъ червя до человѣка“—говоритъ философъ, обращаясь въ людямъ—„нѣкогда вы были обезьянами“²⁾.

Вѣру въ Бога, свободу и безсмертіе мы должны потерять, по Нитцше, какъ первые зубы, и только тогда вырастутъ настоящіе...³⁾ Богъ—это простая гипотеза, въ которой будто бы никто здравомыслящій болѣе не нуждается...⁴⁾ Уже известно, что „Богъ мертвъ“, что вѣра въ христіанскаго Бога сдѣлалась недостоверной. Это новѣйшее событіе начинается уже бросать свои первыя тѣни надъ Европой... И мы, философы и свободные мыслители—съ радостью вызываетъ Нитцше, —при извѣстіи, что „древній Богъ мертвъ, чувствуемъ себя какъ-бы озаренными новой утренней зарей. Горизонтъ намъ кажется опять свободнымъ, хотя-бы онъ былъ даже и не ясенъ; наши корабли, наконецъ, снова могутъ выплыть, готовые на всякую опасность; отвага познающаго снова позволительна, море, наше море снова лежитъ предъ нами открытымъ“⁵⁾.

Отвергнувъ вѣру въ Бога, Нитцше далѣе не признаетъ никакихъ вѣчныхъ фактовъ, „никакихъ абсолютныхъ истинъ“; существуетъ, по нему, лишь „временная являемость“.⁶⁾

Вѣра въ свободу воли—одна изъ абсолютныхъ истинъ—есть „изначальное заблужденіе всего органическаго; она также стара въ мірѣ, какъ существующія въ немъ логическія дѣйствія“.⁷⁾

²⁾ Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра.

³⁾ Изъ сочиненія—Илужникъ.

⁴⁾ Изъ сочиненія—Человѣчное, слишкомъ человѣчное.

⁵⁾ Изъ сочиненія—Радостная наука.

⁶⁾ Изъ сочиненія—Человѣчное, слишкомъ человѣчное.

⁷⁾ Оттуда—же.

Наоборотъ—человѣкъ, развившійся изъ обезьяны, есть, по Нитцше, только „хищный звѣрь“ съ лучшими инстинктами его. Постепенно онъ изъ хищнаго звѣря становится болѣе умнымъ, болѣе человѣкоподобнымъ... Первымъ побужденіемъ къ развитію его служатъ интересы пропитанія. „Пропитаніе—вотъ настоящая пища для разговоровъ толпы. Они хищныя животныя: въ ихъ словѣ „работать“ слышится и „грабить“ въ ихъ словѣ „заработать“ слышится еще также „перехитрить“. Слѣдовательно, они должны стать лучшими хищными звѣрями, болѣе утонченными, болѣе умными, болѣе человѣкоподобными“. ⁸⁾

Даже культурные люди, „которыхъ такъ сдерживаютъ обычаи, почитаніе, благодарность и еще болѣе—подглядываніе другъ за другомъ, взаимная ревность и подозрительность,—и которые, съ другой стороны, въ отношеніяхъ другъ къ другу, такъ изобрѣтательны въ самообладаніи, деликатности, вѣрности, гордости и дружбѣ,—тѣ-же самые люди, въ отношеніи къ тому, что для нихъ чужое, не лучше отпущенныхъ на свободу дикихъ звѣрей... А когда они наслаждаются свободой отъ всякаго общественнаго гнета, когда считаютъ себя—напр. въ пустынь—обезпеченными отъ всякаго напряженія, какое чувствуется въ обществѣ, то вновь обрѣтаютъ *невинность хищныхъ звѣрей*, какъ торжествующія чудовища“.

Хищные инстинкты звѣря,—черты первобытнаго оригинала—это, по Нитцше, основа, великое зерно, изъ котораго развертывается великое и лучшее будущее *и человека и человечества*... Дальнѣйшее изложеніе и имѣетъ свою цѣлью—представить, какимъ же образомъ развертывается это будущее, какъ идетъ развитіе человѣка и человечества или, по выраженію Нитцше, какъ совершается великое дѣло созиданія и познанія. Начальное развитіе человѣка идетъ такимъ образомъ. Съ пропитаніемъ пробуждаются и другія потребности его физической природы. Эти потребности главенствуютъ

⁸⁾ Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра.

въ человѣкѣ. Они и должны быть истиннымъ водителемъ чело-
вѣка по пути впередъ, такъ какъ ведутъ его тѣмъ путемъ,
какимъ идетъ вся природа—путемъ *естественнымъ*...

Въ послѣдующей жизни человѣка потребности его чувст-
венной природы осложняются, утончаются. Являются разумъ
и духъ, которые, такимъ образомъ, не что-либо особенное, изна-
чальное въ человѣкѣ, не отличительныя преимущества его, а
лишь позднѣйшее приобрѣтеніе—, не болѣе, какъ порожде-
ніе его могучаго тѣла.

Художникъ слова, Нитцше пользуется силою своихъ
красокъ, чтобы возможно ярче выставить эту—сдну изъ сво-
ихъ основныхъ мыслей,—и тѣмъ самымъ и утвердить ее, и
убѣдить въ ея истинности.

„Наше „я“, говоритъ онъ,—исключительно тѣло и ничто
больше, ꙗ душа есть лишь слово для обозначенія чего-то [въ
тѣлѣ... Тѣло—великій разумъ. Орудіемъ твоего тѣла, братъ
мой, является твой маленькій разумъ; то, что ты называешь ду-
хомъ, маленькій инструментъ и игрушка твоего великаго ра-
зума... Я, говоришь ты, и гордишься этимъ словомъ. Но бо-
лѣе велико твое тѣло и его великій разумъ: тѣло не гово-
рить „я“, а дѣлаетъ „я“... За твоимъ духомъ всегда лежитъ
еще „само“. Оно господствуетъ и является господиномъ
надъ „я“. Эготъ могущественный повелитель, неизвѣстный
мудрецъ живетъ въ твоемъ тѣлѣ. Онъ—твое тѣло. Твое „само“
смѣется надъ твоимъ „я“. „Я“ является помочами для него
и внушателемъ его понятій. „Само“ говоритъ къ „я“: чув-
ствуй здѣсь боль!—и вотъ „я“ страдаетъ. „Само“ говоритъ къ
„я“: чувствуй теперь радость!—и вотъ „я“ веселится... Соз-
дающее „само“ создало себѣ все: и уваженіе, и презрѣніе,
радость и горе. Создающее тѣло, такимъ образомъ, создало
себѣ духъ, какъ руку своей воли... Нарождающееся и борю-
щееся тѣло проходитъ и чрезъ исторію... А духъ?—что онъ
для него? Герольдъ его борьбы и побѣдъ, его сотоварищъ и
отголосокъ ⁹⁾“.

⁹⁾ Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра.

Такъ какъ фізіологическая жизнь имѣтъ преимуще-
ственное значеніе для человѣка, чѣмъ психическая, которая
только сопутствующее проявленіе первой, — то тѣло и уходъ
за нимъ должны быть предметомъ особыхъ заботъ человѣка...
„Культура должна начинаться не въ душѣ; надлежащимъ мѣ-
стомъ для нея служить тѣло, поведеніе, діета, фізіологія, а
все остальное отсюда слѣдуетъ“.¹⁰⁾

Духъ и разумъ, какъ порожденіе тѣла, должны бы быть
всегда его вѣрными орудіями, находиться въ полномъ под-
чиненіи чувственной природѣ. Но исторія показываетъ дру-
гое. Духъ и разумъ весьма часто выходятъ изъ повиновенія
тѣлу, пытаются сами сдѣлаться руководителями человѣка и
достигаютъ этого: отклоняютъ его съ истиннаго естествен-
наго пути, влекутъ куда-то за предѣлы видимаго, земного, по
рождаются обманы и заблужденія... Философъ горько жалѣетъ
по поводу такого уклоненія и горячо призываетъ духъ и разумъ
снова служить смыслу земли. „Сотни разъ, говоритъ онъ, уле-
тали и заблуждались до сихъ поръ духъ и добродѣтель. Ахъ!
въ нашемъ тѣлѣ и теперь еще живутъ этотъ обманъ и за-
блужденіе: и сдѣлались въ немъ плотію и волей. Сотни разъ
до сего времени духъ и добродѣтель дѣлали опыты и за-
блуждались. Да, человѣкъ былъ опытомъ. Ахъ, много невѣ-
жества и заблужденій въ немъ сдѣлались плотію. Въ насъ
прорывается не только разумъ тысячелѣтій, но и ихъ безуміе.
Опасно быть наслѣдникомъ. Поэтому, братья мои, съ
силой вашей добродѣтели оставайтесь вѣрны землѣ! Пусть
ваша даящая любовь и ваше познаніе служатъ смыслу зем-
ли!.. Не позволяйте имъ упорхнуть отъ земли и биться о
вѣчныя скалы! Ахъ, всегда было такъ много улетѣвшей
добродѣтели... Ведите улетѣвшую добродѣтель къ землѣ, да-
обратно къ тѣлу и жизни, чтобы она дала землѣ смыслъ,
ея человѣческой смыслъ...“

¹⁰⁾ Изъ сочиненія — Сумерки кумировъ.

Пусть-же вашъ духъ и ваша добродѣтель служатъ смыслу земли! Истинная задача духа и разума- и теперь шагъ за шагомъ бороться съ гигантомъ случаемъ, такъ какъ надъ всѣмъ человѣчествомъ до сихъ поръ еще властвуетъ безуміе—безсмысліе. Поэтому, должно быть борющимися, должно быть созидающими!... ¹¹⁾

Въ послѣднихъ словахъ философа уже слышится крикъ буреви́стника.

Но вотъ разражается и самая буря, страшная буря, въ которой должно погибнуть все, что стояло болѣе или менѣе прочно отъ глубочайшихъ временъ человѣчества,—все, что до сихъ поръ составляло самую жизнь духа... И только человѣкъ, пережившій ее, получаетъ возможность совершать дѣло истиннаго познанія, истиннаго созиданія... проще, можетъ развиваться далѣе.. Такимъ образомъ, познанію, созиданію должно предшествовать разрушеніе, отрицаніе—или, лучше, самое дѣло созиданія начинается съ разрушенія.

Прежде всего Нитцше объявляетъ борьбу противъ трехъ великихъ ересей,—именно, религіозныхъ, моральныхъ и метафизическихъ представленій,—которыя совлекли человѣка съ естественнаго пути развитія. „У человѣка, говоритъ онъ, развелось слишкомъ много ересей, благодаря которымъ онъ пересталъ вести себя, какъ животное. И дѣйствительно, человѣкъ сдѣлался мягче, умнѣе, радостнѣе, разсудительнѣе, чѣмъ всѣ животныя. Но онъ страдаетъ еще теперь отъ того, что долго держался этихъ ересей, что долго ему не доставало чистаго воздуха и свободнаго движенія: эти ереси, опять и опять повторяю, суть заблужденія моральныхъ, религіозныхъ и метафизическихъ представленій,—зablужденія тяжкія и дающія себя сильно чувствовать. Если болѣзнь ересей пройдетъ, въ такомъ случаѣ вполне будетъ достигнута первая великая цѣль...“ ¹²⁾

¹¹⁾ Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра.

¹²⁾ Изъ сочиненія—Странникъ и его тѣнь.

Отвергнувъ ереси, истинно созидающій долженъ затѣмъ отвергнуть и все то, что до сихъ поръ составляло самую жизнь духа,—именно: *вѣру, авторитеты, вѣковыя цѣнности, обязанности* — и оставаться вѣрнымъ своему прежнему водителю, которому, правда, дается новое имя „я хочу“.

„Смотри, взываетъ философъ, на добрыхъ и праведныхъ! Кого они ненавидятъ больше всего? Того, кто разбиваетъ ихъ скрижали цѣнностей, разрушителя, преступника: но онъ-то и есть тотъ, кто созидаетъ.. Смотри на вѣрующихъ всѣхъ исповѣданій! Кого ненавидятъ они больше всего? Того опять, кто разбиваетъ ихъ скрижали цѣнностей: но онъ-то и есть тотъ, кто созидаетъ. Вы говорите, что вѣрите въ Заратустру? Вы — вѣрующіе въ меня; но что важнаго во всѣхъ вѣрующихъ? Вы еще не искали другъ друга—и нашли меня! Такъ дѣлаютъ всѣ вѣрующіе, потому что такъ маловажно всякое вѣрованіе... Вы меня почитаете; а что-если однажды ваше почитаніе рухнетъ! Остерегайтесь, какъ бы не убила васъ статуя... Поистинѣ со вѣтую вамъ: уходите отъ меня и защищайтесь противъ Заратустры. Человѣкъ познанія долженъ не только любить своихъ враговъ, но быть въ состояніи ненавидѣть и своихъ друзей... Плохо воздаешь учителю, если всегда остаешься только ученикомъ. Почему не хотите вы вырвать лавровъ изъ моего вѣнка?“¹³⁾

Бросивъ авторитеты, оставивъ вѣру — духъ долженъ стать львомъ, стараться добыть себѣ желанную свободу... „и вотъ послѣдняго своего господина, по Нитцше, онъ ищетъ себѣ въ собственной пустынѣ... изъ-за побѣды и власти хочетъ онъ бороться съ великимъ дракономъ... Кто-же этотъ великій драконъ, котораго духъ не желаетъ называть болѣе господиномъ и божествомъ? „Ты долженъ“ — называется великій драконъ. Но духъ льва говоритъ: „я хочу“. „Ты долженъ“ — лежить у него на дорогѣ, сверкая, какъ золото, чешуйчатый

¹³⁾ Изъ сочиненія — Такъ говоритъ Заратустра.

звѣрь, и на каждой чешуѣ золотомъ блестить: „ты долженъ“. Тысячелѣтнія цѣнности блестятъ на этихъ чешуяхъ, и такъ говоритъ самый могущественнѣйшій изъ всѣхъ драконовъ: „вся цѣнность вещей блеститъ на мнѣ; великая цѣнность уже создана, и всякая созданная цѣнность—это я. Поистинѣ не должно больше существовать никакого „я хочу“. Такъ говоритъ драконъ“. ¹⁴⁾

Могущественнѣйшій изъ всѣхъ драконовъ, на чешуяхъ котораго блеститъ вся цѣнность вещей—это христіанство. Нитцше объявляетъ себя страстнымъ и крайнимъ врагомъ христіанства. Свое послѣднее сочиненіе онъ озаглавилъ „Антихристъ“—и въ немъ изрекаетъ такіа осужденія на Церковь Христову, такіа хулы на ея святыни, что прочіе враги христіанства—Штраусъ, Реванъ, Гартманъ, Геккель и др.—прямо невинныя дѣти по сравненію съ нимъ. По Нитцше—Церковь допустила послѣднюю порчу нравовъ, какая возможна; изъ каждой цѣнности сдѣлала безцѣнокъ, изъ всякой истины—ложь, изъ всякой правды—душевную низость. Она создавала бѣдствія, чтобы увѣковѣчить себя... Ея равенство душъ предъ Богомъ—это взрывчатый матеріалъ понятій, христіанскій динамитъ, призывъ толпы къ бунту... Ея загробный міръ—это нѣчто испивающее, посредствомъ церковныхъ идеаловъ блѣдной немочи и святости, всякую кровь, всякую любовь, всякую надежду на жизнь... Ея крестъ—есть символъ наивысшаго заклія, какое когда-либо было, заклія противъ здоровья, красоты, удачи, храбрости ума... противъ самой жизни... ¹⁵⁾

Замѣтимъ, правда, что этотъ болѣзненный вопль противъ христіанства вырвался изъ души философа незадолго предъ тѣмъ, какъ онъ впалъ въ полное умственное разстройство... Ранѣе онъ говорилъ о христіанствѣ болѣе сдержанно,

¹⁴⁾ Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра.

¹⁵⁾ Изъ сочиненія—Антихристъ.

хотя оно, какъ религія смиренія, состраданія, благодѣяній— и находится, какъ ниже увидимъ, въ діаметральной противоположности къ религіи Нитцше—религіи гордости, самоувѣренности, презрѣнія къ слабымъ...

Дальнѣйшій ходъ „созиданія“, по Нитцше, будетъ состоять въ слѣдующемъ.

Совершивъ переоцѣнку всѣхъ тысячелѣтнихъ цѣнностей, —вѣчности, отвергнувъ христіанство, —эту цѣлостную и продуманную систему, —по словамъ самаго философа, —отвергнувъ вѣру, авторитеты и обязанности, —духъ льва (такъ называетъ Нитцше созидающаго) становится совершенно *внѣ морали*. Слѣдуя только „своему хочѣ“ —своимъ внутреннимъ инстинктамъ и влеченіямъ —онъ не знаетъ различія между добромъ и зломъ. То, что называется зломъ, даже необходимо —и для личнаго развитія —и, конечно, вмѣстѣ съ этимъ для развитія всего человѣчества. Зло необходимо, что бы росло и крѣпло человѣчество... Необходимы тѣ опасности, которыя закаляютъ волю, тѣ сильныя страсти, безъ коихъ человѣкъ не способенъ создать чего-либо великаго... Властолюбіе, зависть, корыстолюбіе, насиліе и злоба —все это качества, равно необходимыя для возвышенія человѣчества... Даже болѣе-сильныя и злыя люди всегда и были главными двигателями человѣчества. ¹⁶⁾ —Итакъ нѣтъ больше различія между добромъ и зломъ; велико только то, что стоитъ внѣ морали.

Однако, Нитцше не проводитъ до конца своихъ положеній, онъ не можетъ выдержать полного безразличія между добромъ и зломъ и отрицанія вообще всякой морали. Людей созиданія отмѣчаютъ нѣкоторыя общія черты, въ поступкахъ ихъ —хотя они и вполне естественны, даже какъ —будто необходимы — есть тоже нѣчто общее, такъ что для нихъ не устраняется общая точка зрѣнія, напр., на отношенія къ другимъ людямъ и между собою, на поступки другихъ лицъ, —сло-

¹⁶⁾ Изъ сочиненія —По ту сторону добра и зла.

во мѣ, для нихъ возможна своя мораль. Эта мораль людей созиданія, высшихъ людей, списанная прямо съ ихъ жизни, какъ увидимъ,—особенная, отличная и отъ христіанской и отъ общечеловѣческой; ея основы даже прямо противоположны основамъ послѣднихъ.

Въ широкихъ предѣлахъ этой новой морали возможно, такъ сказать, положительное созиданіе. Оно будетъ состоять въ томъ, что возвысившійся духъ, опредѣливъ себя на дѣятельность также самостоятельно, какъ самостоятельно начинаетъ и малый ребенокъ, создаетъ свои цѣнности. Въ частности—въ чемъ будутъ заключаться эти цѣнности—Нитцше не развилъ, какъ слѣдуетъ, это положительной и важнѣйшей части всякой доктрины. Можемъ сказать только, что люди созиданія обнаружатъ весьма оригинальные характеры съ свойствами весьма разнообразными, какъ „цвѣта радуги“. Будутъ, а у нихъ и общія свойства, какъ сказали,—и эти свойства, какъ увидимъ подробнѣе ниже,—слѣдующія : властность или, лучше, жажда власти для власти, гордость, сознаніе своей силы, своего превосходства и высшаго призванія, сознаніе всякой отвѣтственности за свои великіе поступки, сознаніе высокихъ правъ личности и отсюда—презрительное отношеніе въ обычнымъ людямъ, не имѣющимъ этого сознанія и къ слабымъ, унижающимъ въ себѣ высокое званіе человѣка; наконецъ, люди созиданія обрѣтаютъ мудрость змѣи, мощь лавъ, пронизательность и свободу орла.

Необходимымъ условіемъ для развитія людей созиданія является уединеніе, удаленіе изъ общества (изъ стада—какъ называетъ Нитцше общество), отрѣшеніе отъ мелочныхъ условій обыденной жизни. Только въ уединеніи, удаленіи отъ общества, отчужденіи отъ другихъ людей—человѣкъ созиданія вполне освобождается отъ тѣхъ путъ, какими связали себя люди и предъ нимъ въ горахъ, пустыни—словомъ, на лонѣ могучей природы покрывается просторъ слѣдовать „своему хочу“ и развѣтывать высокія качества своей хищ-

нической природы, лучшим носителемъ которыхъ онъ является по сравненію съ другими животными.

Для людей созиданія—здѣсь естественно благородное соревнованіе между собою: ученикъ долженъ стремиться стать выше своего учителя.

Внутреннее состояніе созидающаго будетъ состоять, съ одной стороны, въ сознаніи, что все въ мірѣ существуетъ для него и всѣмъ или, по философу, всѣми ближайшими вещами, онъ можетъ пользоваться въ свое удовольствіе и, затѣмъ, съ другой,—въ самодовольствѣ, въ сознаніи своихъ побѣдъ и удаленія препятствій, въ ощущеніи въ себѣ великой воли, физической мощи и здоровья—„въ самоувеселеніи возвысившагося познаниемъ тѣла и великой души, восторженной восторгомъ тѣла.“ „Заратустра возвеличиваетъ самолюбіе, цѣльное, здоровое самолюбіе, истекающее изъ могучей, души, которой принадлежитъ высокое тѣло, красивое, побѣдоносное, улаждающееся, гибкое, убѣждающее тѣло, танцоръ, подобіемъ котораго является самоувеселяющаяся душа. Такое самоувеселеніе тѣла и души само называетъ себя добродѣтелью.“¹⁷⁾

Созидающій—или, что тоже, человѣкъ познанія, восхожденіе котораго представляетъ Нитцше,—есть типъ истиннаго человѣка, который пересталъ быть *просто животнымъ*.

Но на дѣло созиданія не всѣ—въ наличности—люди способны. Надо имѣть особое призваніе къ этому, призваніе по природѣ. Такими призванными является пока меньшинство,—истинно-именитые, аристократы по духу.

Исторія свидѣтельствуетъ, говоритъ философъ, что люди всегда рѣзко дѣлились на двѣ группы: аристократовъ и чернь, толпу, рабовъ.—Это дѣленіе людей по природѣ—вполнѣ естественное. Такъ,—истинная аристократія сама чувствуетъ въ возвышенныхъ, гордыхъ *состояніяхъ души то*, что выдѣляетъ ее изъ рода другихъ...

И аристократы, по Нитцше, дѣйствительно, рѣзко отличаются отъ черни... Вотъ какой образъ аристократа рисуется

¹⁷⁾ Изъ сочиненія—Такъ говорятъ Заратустра.

по философу ¹⁸⁾. Аристократъ—властелинъ по природѣ; онъ уважаетъ въ себѣ свою властность, свою силу надъ самимъ собою, умѣнье говорить и молчать, наслажденіе проявлять по отношенію къ самому себѣ силу и строгость—и почитаніе всего сильнаго и строгаго. Вѣра въ себя, гордость самимъ собою, самовлюбленность—вотъ признаки аристократизма...

Истинный аристократъ—идолопоклонникъ; его идолъ собственная власть: онъ жаждетъ власти для власти. Въ чемъ добро?—спрашиваетъ онъ,—во всемъ, что возвышаетъ чувство силы и власти и желаніе этой власти въ человѣкѣ. Въ чемъ зло?—во всемъ, что исходитъ изъ слабости. Въ чемъ счастье?—въ чувствѣ того, что власть растетъ, что препятствіе преодолевается...

И, дѣйствительно,—аристократъ—властелинъ во всемъ властелинъ своихъ добродѣтелей и своей несмѣтно-богатой воли; онъ обладатель твердой, несокрушимой воли, которая даетъ обѣщанія, какъ властитель—тяжело, рѣдко, медленно.

Поэтому—только аристократъ истинно свободенъ. Только ему дается отрадное сознаніе необычайной свободы, этой власти надъ собою и своей судьбой, ибо свободой называется желаніе отвѣтственности за себя, умѣнье, твердо держаться вдали отъ всего, быть болѣе равнодушнымъ къ трудностямъ, лишениямъ, къ самой жизни. Свобода означаетъ преобладаніе мужественныхъ, воинственныхъ и торжествующихъ инстинктовъ надъ другими..

Аристократъ гордится, сознавая свое великое преимущество, которое заключается въ отвѣтственности. Готовность къ большей отвѣтственности, гордость властныхъ и пренебрежительныхъ взглядовъ, безграничная воля, спокойствіе взора, который рѣдко восхищается, рѣдко глядитъ вверхъ, рѣдко любить—таковы внѣшность и приемы аристократа.

„Больше жизни!“—требуется затѣмъ аристократъ, жизни приподнятой, самодовлѣющей, вѣрующей въ себя, властной.

¹⁸⁾ Описаніе аристократа сдѣлано по Рилу.

Въ своей дѣятельности аристократъ свободенъ и великъ; свободенъ,—такъ какъ онъ все дѣлаетъ инстинктивно, а потому легко, необходимо, хорошо; великъ,—потому что онъ чуждъ мелочей обыденной жизни; его поступки серьезны, поражаютъ своимъ величіемъ, вызывая уваженіе и даже преклоненіе предъ нимъ.

Аристократъ не можетъ быть достойно оцѣненъ обычными людьми, такъ какъ онъ внѣ и выше требованій обычной морали.. Такъ—аристократъ собственно ни золь, ни добръ,—но такъ какъ многое изъ того, что запрещается обычной моралью, считаетъ для себя позволительнымъ,—то аристократъ съ обычной точки зрѣнія является злымъ.—Напримѣръ,—для него невыносимы смиреніе, терпѣніе, состраданіе и благотворительность... Онъ искренно презираетъ нищихъ и слабыхъ. Въ глазахъ его—они только позорятъ высокое званіе человѣка. „Когда видишь какъ страдаетъ страдающій, говоритъ онъ, то стыдишься изъ-за его позора; а если ему оказать помощь, то этимъ жестоко провинишься противъ его гордости, такъ какъ одолженія вызываютъ не благодарность, а жажду мести... Нищаго поэтому нужно-бы совершенно уничтожить“¹⁹⁾.

Отсюда естественно, что доброе съ точки зрѣнія аристократа чаще всего оказывается злымъ для другихъ и наоборотъ—то, что считается добрымъ другими, нетерпимо и позорно для него... Иными словами,—у аристократа своя точка зрѣнія на жизнь, своя и мораль,—а у другихъ людей своя. Конечно, мораль аристократическая нерѣдко до противоположности отлична отъ обычной морали.

Съ точки зрѣнія своей морали аристократъ устанавливаетъ и свои житейскія отношенія.

Такъ, онъ искренно презираетъ обычныхъ людей, низкую чернь, постыдныхъ рабовъ, такъ какъ они унижаютъ

¹⁹⁾ Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра.

и позорять высокое званіе человѣка и, при условіяхъ своей стадной жизни въ обществѣ, своимъ вмѣшательствомъ въ чужую жизнь попираютъ высшія права личности.

Но аристократъ вполнѣ признаетъ своихъ, лицъ своего ранга.

Съ ними аристократическая душа обращается, какъ съ равными и равноправными, съ тою же твердостью и нѣжнымъ почитаніемъ, какъ и сама съ собою. Она уважаетъ себя въ нихъ и въ правахъ, которыя признаетъ за ними, и этотъ обмѣнъ знаками почитанія и правами есть сущность всѣхъ отношеній аристократовъ между собою.

Вотъ ихъ отношенія между собою.

Аристократы не могутъ любить другъ друга, потому что любовь обычной морали есть признакъ слабости любви къ себѣ: „вы не уживаетесь сами съ собою и недостаточно любите себя; вамъ и хочется обольстить своего ближняго любовію—говоритъ Заратустра. И вотъ одинъ изъ васъ идетъ къ ближнему, потому что ищетъ себя, другой идетъ, потому что хотѣлъ-бы потерять себя“. ²⁰⁾

Вмѣсто любви къ ближнему аристократическою моралью рекомендуется любовь къ другу, но безъ подчиненія ему или тиранства надъ нимъ. „Другу своему ты долженъ отдаться таковымъ, каковъ ты есть, но не теряя своей самостоятельности. Поэтому, не рабъ-ли ты?—тогда ты не можешь быть другомъ. Не тиранъ-ли ты? Тогда ты не можешь имѣть друзей. Другъ пусть будетъ для васъ праздникомъ земли... Хотя въ дѣлѣ созиданія въ своемъ другѣ должно имѣть своего лучшаго врага.“ ²¹⁾

Въ отношенія къ настоящему врагу аристократъ обнаруживаетъ оригинальную, вытекающую прямо изъ какой-то болѣз-

²⁰⁾ Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра.

²¹⁾ Оттуда—же.

ненной чувствительности къ правамъ личности, гуманность: „Если у васъ, говоритъ Заратустра, есть врагъ, то не платите ему добромъ за зло, потому что это пристыдить его. Но докажите, что онъ сдѣлалъ вамъ добро... Лучше еще: сердитесь, но не пристыжайте! Когда васъ проклинаятъ, я не хочу, чтобы вы благословляли. Лучше слегка проклинать вмѣстѣ съ ними. Небольшая месть человѣчнѣе отсутствія всякой мести“. ²²⁾

Аристократическая мораль отвергаетъ затѣмъ справедливость и судъ, видимо, находя здѣсь преступное вмѣшательство въ жизнь личности. „Я не хочу, говоритъ Заратустра вашей холодной справедливости, — и изъ очей вашихъ судей на меня всегда смотритъ палачъ и его холодное желѣзо. Скажите мнѣ, гдѣ находится справедливость, которая есть любовь, съ выдающимъ окомъ. Изобрѣтите-же любовь, которая снесетъ не только всякое наказаніе, но и всякую вину! Изобрѣтите-же справедливость, которая оправдаетъ всякаго, за исключеніемъ судящаго“. ²³⁾

Аристократическая мораль устанавливаетъ особый взглядъ на женщину. Роль женщины — не высока, — ей не дается самостоятельности: женщина должна служить только отдохновеніемъ для воина — мужа. — Главное ея достоинство — быть способной къ дѣтороженію. Сильно занималъ философа выдвинутой современной жизнью вопросъ о бракѣ. Въ бракѣ чаще всего нарушаются высокія права личности, страдаетъ чья-нибудь самостоятельность; поэтому бракъ есть дѣло большого риска. Чтобы предотвратить тяжелыя послѣдствія неудачнаго брака, аристократическая мораль предлагаетъ оригинальную мѣру — малый бракъ на срокъ.

„Смотрите, говоритъ Заратустра, чтобы ваши брачныя союзы не вышли дурнымъ заключеніемъ. Плохихъ супруговъ я всегда находилъ наиболѣе мстительными. Поэтому я хочу,

²²⁾ Оттуда — же.

²³⁾ Оттуда — же.

чтобы искренніе говорили другъ другу: „мы любимъ другъ друга: посмотримъ—выдержитъ-ли наша любовь! Неужели наше обѣщаніе будетъ ошибкой? Дайте намъ срокъ и малый бракъ, чтобы посмотрѣть, годимся-ли мы для великаго брака.“ Это—великое дѣло—быть постоянно вдвоемъ!“²⁴⁾

Таковы основы, начала аристократической морали.

Въ духовномъ отношеніи, т. е. по своимъ природнымъ дарованіямъ, аристократы несравнимо превосходятъ чернь, толпу. Только изъ ихъ среды могутъ выходить гени, философы, законодатели, герои. Это—славные своимъ настоящимъ, великія историческія личности—Моисей, Солонъ Лютеры, Наполеоны и т. п. Они—двигатели человѣчества, герои исторіи, насадители и насильники культуры. „Они говорятъ: такъ должно быть! Они заранѣе опредѣляютъ предназначеніе и цѣль человѣка и распоряжаются при этомъ предварительною работою всѣхъ философовъ-работниковъ. Они налагаютъ творческую руку на будущее, и все, что есть и было, служить имъ въ этомъ случаѣ средствомъ, орудіемъ, молотомъ. Ихъ познаніе—творчество; ихъ творчество—законодательство; ихъ стремленіе къ истинѣ—воля къ власти“²⁵⁾.

Являясь въ извѣстное время въ исторіи, герои и гени, однако, выше исторіи, такъ что совсѣмъ нельзя говорить, что исторія рождаетъ героевъ. Наоборотъ, герои создаютъ исторію, движутъ ее впередъ. Ради этихъ высшихъ типовъ, какъ своихъ вершинъ, существуютъ государства, народы, даже все человѣчество. Отсюда—громкая отвѣтственность героевъ, и они полны сознанія этой отвѣтственности.

Поступки героевъ, каковы-бы они ни были по существу, выше обычнаго суда, такъ какъ оправдываютъ себя уже своимъ величіемъ, своею силою. Добиваясь своихъ высокихъ цѣлей, герои не стѣсняются и не должны стѣсняться въ средствахъ,—они могутъ шагать къ нимъ даже по трупамъ дру-

²⁴⁾ Оттуда-же.

²⁵⁾ Изъ сочиненія—По ту сторону добра и зла.

гихъ и со спокойною совѣстью взирають, какъ въ жертву имъ приносятся массы людей.

Границы морали для героевъ раздвигаются шире и шире.. для нихъ нѣтъ преступнаго, имъ, наконецъ, уже все позволительно. Герои — одинокія личности, рѣдчайшія, властелины отъ рожденія; воспитанные, по Нитцше, вдали отъ общества, чуждые интересовъ обыденной жизни, не причастные къ ея строю, угрюмые по виду, злобные по характеру — герои являются носителями чертъ первобытнаго оригинала, закаленными и физически-мощными натурами хищной породы. По всеобщимъ законамъ — въ борьбѣ за жизнь — герои, какъ наиболѣе одаренныя, наиболѣе приспособленныя къ жизни личности, должны размножаться и дать расу новыхъ лучшихъ людей. Эта раса современемъ должна вытѣснить чернь и ей принадлежитъ великое будущее человѣчества. Исторія вполне подтверждаетъ это. „Разскажемъ себѣ безъ боли, говоритъ философъ, какъ на землѣ до сихъ поръ начиналась каждая высшая культура! Люди съ непочатыми еще силами, варвары съ трусливымъ недалекимъ умомъ, хищники, при обладаніи непреклонной силой воли и властолюбіемъ, бросались на расы слабѣйшія, болѣе облагороженныя, болѣе жирныя, или на отживающія культуры, въ которыхъ вспыхивала именно послѣдняя жизненная сила въ блестящихъ фейерверкахъ духа и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалось внутреннее разложеніе. Передовая каста всегда была первоначально варварской кастой. ²⁶⁾

Нитцше мало говоритъ о черни, толпѣ. Это, — по нему, тѣ, которыхъ слишкомъ много, наиболѣе частыя, неизлѣчимо посредственные, стадные люди. По натурѣ — это рабы; имъ нужна мораль которая предъявляла-бы извѣстныя требованія. Это, мораль возмездія, мораль обѣщаній награды, вытекающая изъ враждебнаго, злобнаго протеста и реакціи противъ оцѣнки аристократовъ, противъ морали аристократизма.

²⁶⁾ Изъ сочиненія — По ту сторону добра и зла.

Такова и есть мораль смиренія, состраданія, всеобщаго равенства и справедливости, которую создали рабы древняго Рима и которая возвѣщается христіанствомъ.

Какое несчастіе было-бы, по философу, если-бъ измельчавшіе, такъ называемые культурные люди оставались вѣрны до конца этой пагубной морали. Конечнымъ результатомъ былъ-бы „послѣдній человѣкъ,“ который не способенъ болѣе ни къ чему великому.

Этого человѣка Нитцше изображаетъ слѣдующимъ образомъ.

„Увы! настанетъ время, когда человѣкъ не произведетъ уже ни одной звѣзды. Увы! настанетъ время презрѣннѣйшаго человѣка, который уже не въ состояніи презирать самого себя.

Смотрите — я показываю вамъ послѣдняго человѣка.

Что такое любовь? Что такое творчество? Что такое страсть?

Что такое звѣзда?—такъ вопрошаетъ послѣдній человѣкъ и мигаетъ глазами. — Земля стала маленькой, и поней прыгаетъ послѣдній человѣкъ, который дѣлаетъ все малымъ. Его родъ неуничтожимъ, какъ родъ земляной букашки; онъ живетъ немного больше...

„Мы нашли счастье“ — говорятъ послѣдніе люди и мигаютъ глазами. Они покинули страны, гдѣ жить было тяжело, ибо они нуждаются въ теплѣ. Любятъ еще сосѣда, трутся возлѣ него, ибо нуждаются въ теплотѣ.

Быть больнымъ и недовѣрчивымъ у нихъ считается грѣхомъ: она ходятъ осмотрительно. Глушець тотъ, кто еще спотыкается на камни или на людей! По временамъ — немного яду: это производить пріятные сны. И много яду въ концѣ концовъ для пріятной смерти.

Они еще трудятся: трудъ есть развлеченіе. Но они заботятся, чтобы развлеченіе не утомляло. Нѣтъ болѣе ни бѣднаго, ни богатаго: и то, и другое слишкомъ стѣснительно.

Кто желаетъ еще господствовать? Кто повиноваться? И то, и другое слишкомъ затруднительно. Нѣтъ пастыря, одно лишь стадо! Всякій стремится къ равенству, всѣ равны: кто иначе чувствуетъ, тотъ добровольно отправляется въ домъ умиленныхъ. Нѣкогда весь міръ былъ сумашедшимъ “—говорятъ наиболѣе эlegantные и мигаютъ глазами. Они мудры и знаютъ все, что произошло, повтому они смѣются безъ конца. Они еще ссорятся, но скоро примираются, иначе это разстроило-бы ихъ...

Немножко удовольствія для дня и немножко для ночи: они берегутъ здоровье. „Мы нашли счастье“, говорятъ послѣдніе люди и мигаютъ глазами. ²⁷⁾“

Нитцше чувствовалъ величайшее омерзѣніе къ этому послѣднему—мелкому человѣку... Онъ хотѣлъ видѣть людей весьма великими, весьма могучими, весьма сильными... Таковы и есть его, аристократы, и особенно лучшіе изъ ихъ среды—геніи, герои, посетители великихъ чертъ могучаго, стихійнаго человѣка...

Въ ихъ рукахъ, по философу,—свѣтлое будущее человечества.

Но сами геніи, герои—еще не завершеніе развитія. „Страшно человѣческое бытіе,—говоритъ философъ,—и все еще безъ смысла.

И хочу показать людямъ смыслъ ихъ бытія: смыслъ есть сверхчеловѣкъ—послѣдній (лучшій) человѣкъ, по Нитцше,—молнія изъ темной тучи человѣка.. Человѣкъ есть нѣчто такое, что должно уступить мѣсто высшему... До сихъ поръ всѣ существа создавали нѣчто, что превосходило ихъ,—и человѣкъ не долженъ быть отливомъ этой волны..... Что такое обезьяна по сравненію съ человѣкомъ: посмѣшище или мучительный позоръ. И именно этимъ долженъ быть человѣкъ для сверхчеловѣка: посмѣшищемъ или мучительнымъ позоромъ...

²⁷⁾ Изъ сочиненія—Такъ говорятъ Заратустра.

Сверхчеловѣкъ есть смыслъ земли.

Какъ животныя развились отъ червя до обезьяны,—и обезьяна преобразовывалась въ человѣка, и какъ изъ низшихъ людей происходили высшіе, мудрые, такъ и эти послѣдніе, въ свою очередь, должны переродиться въ сверхчеловѣка... Это — величайшая надежда всякаго философа, геія и героя.

Пока еще—но Ницше—не было сверхчеловѣка (какъ онъ говорить, по крайней мѣрѣ, въ своемъ главномъ произведеніи), но онъ долженъ явиться, такъ какъ въ немъ заключается цѣль мірового развитія: онъ есть смыслъ земли. Онъ долженъ явится и явится еще и потому, что люди способны произвестъ его.

Человѣкъ есть канатъ, говорить философъ, связывающій животное и сверхчеловѣка,—канатъ надъ бездною.... Въ человѣкѣ велико то, что онъ мостъ, а не цѣль; что можно любить въ человѣкѣ—такъ это то, что онъ есть переходъ и паденіе... И заслуживаютъ любви тѣ, которые отдаютъ себя въ жертву землѣ, чтобы земля когда—нибудь сдѣлалась землею сверхчеловѣка. Такой человѣкъ живетъ, чтобы познать, и хочетъ познать для того, чтобы жить сверхчеловѣкъ... Онъ работаетъ и убѣждается, что строить жилище сверхчеловѣку и готовить для него землю, животныхъ и растенія....

И человѣкъ—работникъ еще не исчерпанъ для великихъ возможностей; будущность всецѣло въ его волѣ...; а это будущее такъ высоко, что даже головокружительно для человѣческихъ чувствъ...

Вы, мудрецы,—вопрошаетъ Ницше, можете-ли вы создать Бога?

Вы молчите у меня о всѣхъ богахъ, но вы можете создать сверхчеловѣка... Быть можетъ, не вы сами, мои братья! Но вы можете поресоздать себя въ отцовъ и предковъ сверхчеловѣка: и это ваше наилучшее дѣяніе.... Чернь не можетъ произвестъ высшихъ людей... Она говоритъ: нѣтъ высшихъ людей, человѣкъ есть человѣкъ, предъ Богомъ мы всѣ равны...

Но для васъ умеръ этотъ Богъ... Предъ толпой мы не хотимъ быть равными.. Вы, высшіе люди, уходите прочь съ мірового рынка... Въ уединеніи, отдаленіи отъ нихъ стремитесь достячь „великаго полдня“... А великій полдень есть то, когда человѣкъ стоитъ на половинѣ своего пути между животнымъ и сверхчеловѣкомъ и празднуетъ свой путь къ западу, какъ свою высшую надежду: потому-что это путь къ новому утру... И наша послѣдняя воля въ великій полдень такова: исчезли всѣ Соги; теперь мы хотимъ, что-бы жилъ сверхчеловѣкъ...

Итакъ,—вы, высшіе люди! Окружите гору человѣка будущаго... Богъ умеръ:—высшій человѣкъ дѣлается господиномъ, превращается въ сверхчеловѣка.“²⁸⁾

Такъ Нитцше доводитъ постепенное восхожденіе человѣка до крайней ступени—до обожествленія человѣка,—выражаясь научно,—до *апотеоза*.

Его сверхчеловѣкъ есть богъ отъ плоти и костей человѣка—*человѣкобогъ*. Кто-же теперь, ясиѣ, этотъ сверхчеловѣкъ Нитцше?

Отдѣльная-ли это личность, могучій—исключительнаго характера богатырь, который могъ бы появиться не сегодня—завтра,—или особый родъ, особая порода людей?

Мы не можемъ допустить перваго (т. е. что это отдѣльная личность), такъ какъ Нитцше всегда говоритъ о возвышеніи человѣческаго рода.

Конечно—это новая высшая порода человѣка, которая должна превзойти настоящаго человѣка, прежде всего должна явиться въ одномъ или вѣсколькихъ выдающихся экземплярахъ, отъ нихъ и произойдутъ сверхчеловѣки—словомъ, какъ рассуждая о человѣкѣ, Нитцше всегда имѣетъ въ виду не отдѣльнаго человѣка, а вообще родъ человѣческій, такъ и выводя въ своемъ ученіи сверхчеловѣка, онъ говоритъ, очевидно,

²⁸⁾ Изъ сочиненія—Такъ говоритъ Заратустра.

о породѣ, превосходшей человѣка. Какъ изъ животнаго возникъ человѣкъ, такъ изъ человѣка долженъ возникнуть сверхчеловѣкъ,—и какъ человѣкъ превосходитъ животное, такъ и сверхчеловѣкъ долженъ стоять выше человѣка.

Такова доктрина Нитцше.

Закончивъ изложеніе новаго ученія, переходимъ къ его разбору, позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Какъ показывается послѣдній пунктъ ученія Нитцше, философская мысль новѣйшаго времени достигаетъ въ своихъ выводахъ такой смѣлости, какой еще не проявляла за все время своей дѣятельности. До сознательнаго, разумнаго обоженія человѣческой личности еще не доходили. Боги—въ представленіи древнихъ грековъ и римлянъ—только надбѣлялись человѣческими качествами, но они имѣли особое происхожденіе. Если были случаи перехода простыхъ людей въ разрядъ боговъ или полубоговъ, то этотъ переходъ совершался особымъ сверхъестественнымъ актомъ.... Философія Нитцше возвѣщаетъ, что человѣкъ самъ—собственными силами и средствами—достигаетъ того, что становится божествомъ.

Это слишкомъ ново вообще, и въ частности ново для насъ. Мы сроднились съ ученіемъ, которое говоритъ намъ что почти 2000 лѣтъ тому назадъ человѣчество переживало ужасные годы, годы крайняго упадка нравовъ и мысли, полного отсутствія идеаловъ... Лучшіе умы не знали, что дѣлать, и дальше отрицанія всего въ жизни не пошли... Надъ землею нависли темныя тучи, которыя сгущались болѣе и болѣе... Движеніе впередъ прекратилось, положеніе людей сдѣлалось

безвыходнымъ... Но вотъ, въ этотъ страшный историческій моментъ совершается безпримѣрное, изъ ряда выходящее событіе... Самъ Богъ исходитъ на землю, становится человѣкомъ и указываетъ людямъ выходы изъ ихъ ужаснаго положенія... Снова человѣкъ поставляется на широкій и теперь уже безопасный путь движенія впередъ.. Но это снисхожденіе Бога на землю, благовѣстіе о личности Богочеловѣка, конечно, великая тайна.

Новое ученіе пытается разрѣшить такъ-же міровой вопросъ, но разрѣшить естественно, послѣдовательно, безъ допущенія тайны... Вѣчный въ своемъ бытіи міръ ни отъ кого не зависитъ и ни въ чемъ со стороны не нуждается... Въ немъ по опредѣленнымъ законамъ, законамъ необходимости, самъ собою всюду совершается безпрерывный процессъ улучшенія, возвышенія... Въ этомъ процессѣ принимаютъ участіе всѣ стихіи міра, всѣ силы природы.. Столь-же необходимо и безостановочно идетъ этотъ процессъ улучшенія и въ жизни человѣка или, лучше, человѣчества... Грозовая туча человѣчества сгущается болѣе и болѣе, напряженіе въ ней возрастаетъ—и она должна чѣмъ-либо разрядиться или разряжаться... Чѣмъ-же? Тѣмъ, что выше человѣка, тѣмъ, что есть сверхчеловѣкъ... Сверхчеловѣкъ есть смыслъ земли, цѣль мірового прогресса...

Такимъ—то путемъ и явилось предъ нами снова древнее, лукавое предложеніе (хотя нѣсколько въ иной формѣ): повѣрьте мнѣ, и вы будете, яко божи, не въящіе мучительнаго различія между добромъ и зломъ... Да не озажемся также скоры склониться на него, какою оказалась наша прародительница Ева въ раю.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ 8-го января 1905 г. въ Петербургѣ выходитъ

НОВОЕ ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ВѢСТНИКЪ

Литературы

Въ этомъ изданіи *сосредоточено все, что касается литературнаго міра*; журналъ слѣдитъ за всѣми явленіями литературы, русской и иностранной, останавливая вниманіе на рѣзко выдающихся фактахъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, безъ всякой уклончивости обличая бездарность и ложныя увлеченія и поощряя свѣжіе, истинныя проблески дарованія. Критическіе разборы, подробныя хроники беллетристики, статьи и корреспонденціи по вопросамъ литературы, біографическія характеристики, литературныя воспоминаванія и литературная лѣтопись, рецензіи о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ и пр. и пр. — такова въ общихъ чертахъ программа „Вѣстника Литературы“, который является *первымъ и единственнымъ въ Россіи органомъ съ такими обширными задачами.*

Кромѣ того, въ „Вѣстникѣ Литературы“ помѣщаются статьи по бібліотековѣдѣнію, статистикѣ книгъ и по нижнему дѣлу въ широкомъ смыслѣ слова. Текстъ „Вѣстника Литературы“, выходящаго при участіи многихъ извѣстныхъ писателей, и ученыхъ, иллюстрируется портретами, снимками съ замѣчатель-

ныхъ произведеній печати, картинами изъ жизни писателей, иллюстраціями къ выдающимся произведеніямъ литературы, копіями гравюръ, имѣющихъ отношеніе къ литературѣ, авторами и пр. и пр.

„Вѣстникъ Литературы“ выходитъ два раза въ мѣсяць: каждыяго 8-го и 23-го числа, и разсылается вмѣстѣ съ „Извѣстіями по Литературѣ, Наукамъ и Библиографіи“.

Подписная цѣна на годовое изданіе „Вѣстника Литературы“ съ 24 № „Извѣстій по Литературѣ“, съ дост. и перес.— 4 рубля; на полгода— 2 р.

Требованія адресовать: въ контору „Извѣстій по Литературѣ, Наукамъ и Библиографіи“, при книжномъ магазинѣ Т-ва М. О. Вольфъ, —С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, 18 (или Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, домъ Дзамгаровыхъ).

ПРИ ПОЧАЕВО-УСПЕНСКОЙ ЛАВРѢ
издается журналъ для назидательнаго чтенія

ПОЧАЕВСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Въ годъ выходитъ:

52 НОМЕРА ПОЧАЕВСКАГО ЛИСТКА,

52 НОМЕРА ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ НЕМУ.

Кромѣ того

подписавшимся на Почаевскій Листокъ за 1905 годъ бесплатно будетъ высланъ за первое полугодіе

МОЛИТВОСЛОВЪ

крупной гражданской печати въ 8 долю листа, въ 380 страницъ, а за второе полугодіе

КРЕСТНАЯ ПѢСНЬ

(написанное стихами повѣствованіе о страданіяхъ Спасителя), съ приложеніемъ нотъ для пѣнія.

Въ Почаевскомъ листѣ и приложеніяхъ къ нему будутъ помѣщаться: поученія, сказанія, житія святыхъ, назидательныя повѣсти, извѣстія о выдающихся церковныхъ и государственныхъ событіяхъ, описанія жизни и службъ въ Почаевской Лаврѣ, отвѣты на запросы подписчиковъ.

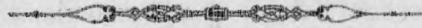
Желающіе получать въ теченіе 1905 года Почаевскій Листокъ съ приложеніями къ нему еженедѣльно—благоволятъ выслать 1 руб. 50 коп., ежемѣсячно (по 4 номера за одинъ разъ)—только 1 руб.

по адресу: Почаевъ, Волинской губ., Редакція Почаевскаго Листка.

За 1 р. будетъ выслано все то, что и за 1 р. 50 к., разница только въ пересылкѣ: еженедѣльно или ежемѣсячно.

Пробные номера высылаются бесплатно.

РЕГЕНТЪ съ 15-ти лѣтней практикой,
трезвый, имѣющій рекомендаціи, знающій письмоводство. Же-
ляю переимѣнить мѣсто. Обращаться: Бурнакъ, Тамбовской гу-
берніи, въ контору Г. Пустовалова. Регенту *И. Н. Федорову*.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ неофициальный. I. Отблески
старого года. II. Маленькое измѣненіе вопроса. (Окончаніе).
III. Не пора-ли?! IV. Золотая весна. (Разсказъ) (Продолженіе).
V. Доктрина Нитцше VI. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Феодоръ.

Цензоръ, Протоіерей Петръ Успенскій.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Л. С. КАГАНЪ, получивъ деньги подъ отчетъ скрылся. Выданную ему мною 10 Ноября 1904 года довѣренность отъ имени Россійскаго Общества Застрахованія Капиталовъ и Доходовъ Учреж. въ 1835 году симъ уничтожаю.

КАГАНЪ разыскивается.

Главный Инспекторъ О-ва

Маркъ Ивановичъ Майзель,